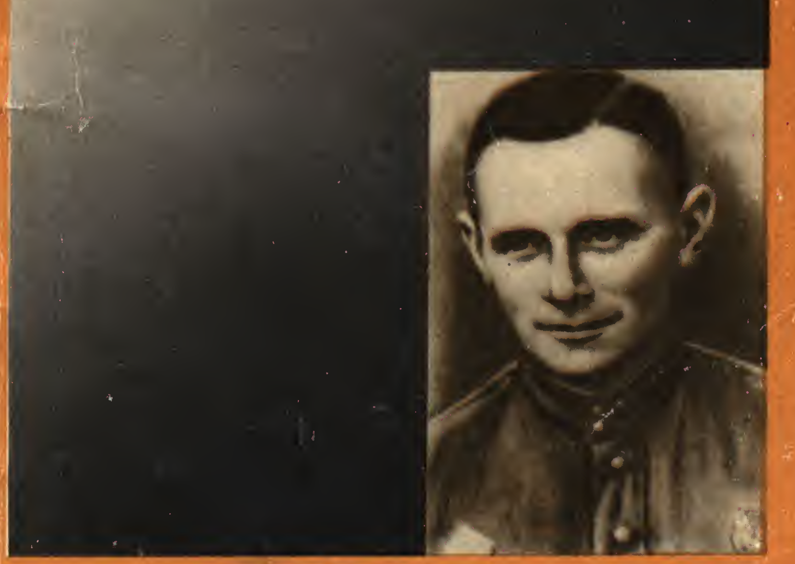
Теодор ГЛАДКОВ

Фриц Шменкель — враг фюрера и рейха

Издательство политической литературы

Л. И. Брежнев вручает Эрне Шменкель
Грамоту Героя Советского Союза
Фрица Шменкеля

Указом
Президиума
Верховного Совета СССР
от 6 октября 1964 года
за активное участие
в антифашистской борьбе,
героизм и мужество,
проявленные в боях на фронтах
Великой Отечественной войны
Советского Союза,
немецкому гражданину
Фрицу Шменкелю
присвоено звание
Героя Советского Союза
(посмертно).

Теодор ГЛАДКОВ

Фриц ШМЕНКЕЛЬ — враг фюрера и рейха

Москва
Издательство политической литературы
1980

63.3(0)62
Г52

Г $\frac{10604-107}{079(02)-80}$ 214—80 0505030202

Вместо пролога

...Эта деревня — не большая и не маленькая. Околица почти вплотную подходила к лесу. Он несколько часов наблюдал за ее жизнью, пока не решился...

Людей в деревне, видно, было немного, и из домов они выходили, как он понял, только по делам — даже дети не играли на улице. Один дом чем-то привлек его внимание — второй от леса.

Дважды выскакивала, то за водой, то за дровами, девчонка лет пятнадцати, крепкая и ладная, с белесыми волосами, едва прикрытыми наспех наброшенным платком. Девчонка была быстрая и шустрая, похоже, что-то напевала себе под нос. Потом из трубы на крыше потянулась к небу тоненькая струйка сизого, наверное теплого, дыма.

...И он решился. Как только стемнело, выбрался из своего убежища, почти бегом пересек пространство, отделявшее избу от леса, поднялся на крыльцо и шагнул в сени. Костяшками пальцев сильно стукнул по дощатой двери и даже не ощутил боли. Тут только почувствовал, что замерз до последней степени. Стука не получилось, тогда он просто толкнул ее коленом. Дверь распахнулась, и на него пало облако домашнего деревенского тепла...

Выстрел у гаштета «Неельс»

Варзов — деревушка не деревушка, городок не городок, так, местечко. Если встать посреди центральной улицы, открывается вроде бы вполне городской вид, но стоит сделать несколько десятков шагов, и начинаются поля. Жители в основном занимаются сельским хозяйством, хотя кое-кто работает на кирпичном заводике, есть и различные мастерские, правда, совсем мелкие.

...14 февраля 1916 года в местечке Варзов под Штеттином[1] у рабочего кирпичного завода Пауля Краузе и уборщицы Эльзы Шменкель родился мальчик, названный Фрицем Вернером Гансом. Так как родители новорожденного не состояли в освященном церковью законном браке, то фамилию ему дали материнскую — Шменкель. Через три года у Фрица появится сестра Хелине, через семь — брат Вилли.

Семья была необычная: родители любили друг друга, но расходились решительно во всем. Пауль Краузе — настоящий бунтарь. Из всех политических партий, существовавших в стране в двадцатые годы, он выберет самую, с точки зрения его жены, неподходящую — коммунистическую. Эльза Шменкель в противовес своему мужу к власти относилась всегда почтительно. И, когда Гитлер придет к власти, младших детей она воспитает в духе преданности фюреру и рейху.

Нет ничего удивительного, что двум столь разным людям трудно было ладить под одной крышей. Ссоры и раздоры в конце концов стали столь бурными, что бабушка Вильгельмина Шменкель, боготворившая старшего внука, забрала его к себе. Она, как это ни странно, больше сочувствовала зятю, нежели дочери.

Отец и сын встречались по вечерам и воскресеньям. Эти часы стали для Фрица самыми желанными и дорогими. Взрослый мужчина и мальчишка, затем под-

[1] Ныне город находится в Польской Народной Республике. Ему возвращено исконное название Щецин.

росток, были лучшими друзьями, они с одинаковой увлеченностью мастерили голубятню и гоняли голубей, играли в ручной мяч и спорили о прочитанных книжках. Еще отец научил сына играть на губной гармошке.

Рос Фриц в трудное послевоенное время.

Поражение в первой мировой войне усугубило и без того тяжелое экономическое и политическое положение Германии. Ноябрьская революция 1918 года сбросила с трона кайзера Вильгельма II. Но усилиями сил реакции революция в Германии была потоплена в крови. Наступила эра Веймарской республики. Правящие классы рассматривали ее как временную уступку, вынужденный шаг к буржуазной парламентской демократии. Буржуазия начала искать новые формы подавления освободительного движения и упрочения капиталистического строя. Так, наряду с политическими партиями старого типа стали возникать и множиться новые националистические организации, военные и полувоенные союзы, тесно связанные с монополистическим капиталом. Они ориентировались на всех недовольных Веймарской республикой и Версальским договором: разорившихся мелких и средних буржуа, не нашедших себе места после военного поражения профессиональных солдат, люмпен-пролетариев. Одной из таких организаций была Германская рабочая партия, основанная 5 января 1919 года в Мюнхене. В феврале 1920 года она переименовалась в национал-социалистскую немецкую рабочую партию — НСДАП. Так окрестил себя в демагогических целях новорожденный германский фашизм. Это была одна из многих мелких политических партий. До поры до времени, пока в ее тощую партийную кассу не хлынул золотой поток... В августе 1921 года нацистская партия с благословения крупного капитала, рейхсвера и властей уже смогла приступить к формированию собственной военной организации — штурмовых отрядов.

Фрицу Шменкелю было семь или восемь лет, когда он впервые увидел на улице Варзова первых штурмовиков. Их было трое — крепкие парни в коричневых рубашках, перепоясанных военными портупеями, в круглых шапочках с длинными козырьками, в высоких сапогах. На рукавах — красные повязки с белым кругом, в центре которого красовался черный изломанный крест — свастика. Фриц навсегда запомнил, каким тя-

желым взглядом проводил этих троих молодчиков его отец...

В положенный срок Фриц был определен в восьмилетнюю школу. Учился он хорошо, много читал, в школу ходил с удовольствием, во всяком случае, до той поры, когда стал не только добросовестно учить уроки, но и задумываться над услышанным.

Однажды в классе появился новый преподаватель истории: высокий, худой, с деревянной походкой и злым хрящеватым носом. Кисть его левой руки была туго обтянута черной кожаной перчаткой. Через несколько дней все ученики уже знали, при каких обстоятельствах во славу фатерланда он потерял на Марне свою руку.

— Мы бы никогда не проиграли войну, дети, если бы не коварный удар ножом в спину! Никогда!

Глаза его исступленно горели.

«Удар ножом в спину...» Это выражение Фрицу Шменкелю пришлось слышать не раз. Так и только так называли Ноябрьскую революцию нацисты.

Вечером Фриц, как мог, пересказал отцу то, что услышал в школе. Пауль Краузе выслушал сына внимательно, а потом сказал:

— Вот что, мальчик, выбрось из головы все эти бредни. Ты запомни другое: мы в этой проклятой войне потеряли не один миллион человек. А это дороже всех колоний, которые не нужны ни мне, ни тебе. Фатерланд, честь нации... Они плевали и на Германию, и на нашу честь. Им нужны только их прибыли. За свои барыши они хоть завтра уложат в землю еще десять миллионов. Понял? А теперь беги, поиграй с ребятами.

...Беззаботно резвиться со сверстниками Фрицу оставалось не так уж долго, но он этого еще не знал.

Послевоенный упадок в Германии сменился полосой временной стабилизации, но уже через два года разразился новый жестокий экономический кризис — мировой.

Бег политических событий в стране ускорялся с каждым днем. Сменяли друг друга премьер-министры земель, канцлеры, правительственные кабинеты. И все более непримиримой становилась борьба подлинно пролетарской Коммунистической партии Германии и НСДАП. Все более явно капитулянтский курс по отношению к фашистам занимали другие политические

партии и организации страны. Правое руководство самой массовой и влиятельной — социал-демократической партии встало на близорукую, а по существу предательскую позицию «наименьшего зла». Наименьшим злом для лидеров социал-демократов были фашисты, наибольшим — коммунисты.

Варзов, маленький Варзов тоже стал ареной ожесточенных политических стычек. Жарко бывало порой в прокуренном насквозь зале единственного гаштета «Нельс», когда собирались там по вечерам люди, жившие в одном местечке, но разделявшие различные, порой непримиримые политические взгляды.

Местный руководитель нацистов не уставал кричать на каждом сборище:

— Только национал-социалистская немецкая партия — подлинно социалистическая партия в Германии! Она знает, что свободная немецкая нация может возникнуть лишь в результате освобождения от всякой формы эксплуатации и угнетения. Национал-социалистская партия — рабочая партия.

И снова обещания, обещания, обещания... Нацисты обещали произвести огосударствление промышленности и ограничить всевластие монополий, повысить зарплату рабочим и предоставить им участие в прибылях, пожилым людям сулили пенсионное обеспечение, крестьянам — снижение налогов, предоставление беспроцентных кредитов, обеспечение сбыта сельскохозяйственных продуктов.

Многие, слишком многие простые люди, истерзанные нуждой, доведенные до отчаяния в безысходной тревоге за будущее своих семей, попадались на эту беззастенчивую ложь.

Когда Фрицу исполнилось четырнадцать лет, он закончил школу и начал работать. Бабушка Вильгельмина хотела, чтобы внук выучился на столяра, но он предпочел стать конюхом и кучером в поместье Кюкенмюль — он любил животных.

В свои четырнадцать Шменкель был довольно высокий — около ста семидесяти сантиметров — подросток, худощавый, но сильный и очень подвижный. Он не был красив, но его всегда смеющиеся серо-голубые глаза и живой нрав вызывали невольную симпатию у каждого.

Отец Фрица был обыкновенным рабочим. Он не получил даже того довольно скудного образования, что

его сын, но был классово сознательным рабочим, много читал и хорошо понимал, что происходит в мире и его родной стране. Пауль рассказывал сыну о традициях борьбы немецкого рабочего класса за свои права, о мировой войне, о Ноябрьской революции восемнадцатого года, о Розе Люксембург и Карле Либкнехте, основателях Германской коммунистической партии, зверски убитых реакционными офицерами, об Эрнсте Тельмане. Еще он рассказывал о далекой Советской России, которую называл надеждой и бастионом пролетариев всех стран, об Октябрьской революции и ее вожде — великом человеке по фамилии Ленин.

Однажды он сказал сыну:

— Запомни, малыш, где бы ты ни был, что бы с тобой ни случилось в жизни, твой долг всегда помогать Советскому Союзу, потому что это единственное в мире государство рабочих и крестьян. СССР — это залог счастливого будущего всего трудового народа и твоего тоже. Запомни это...

Фриц запомнил...

Он стал комсомольцем, получил членский билет с изображением скрещенных серпа и молота и с гордостью носил горчичного цвета комсомольскую гимнастерку. Их было совсем немного, комсомольцев в Варзове, но они делали все, что могли, помогая своим старшим товарищам — коммунистам в их борьбе, которая становилась все ожесточеннее.

Между тем фашисты, не встречая отпора со стороны правительства и полиции, вели себя все разнузданнее. Они перешли к прямому политическому террору против своих противников. Нацистов поддерживали уже не только немецкие монополии, но и иностранный капитал, поскольку германский фашизм все больше превращался в ударный кулак международной контрреволюции. Миллионы германских трудящихся на выборах отдавали голоса кандидатам коммунистов. КПГ была единственной партией, способной и стремящейся организовать отпор наступлению коричневой чумы. И нацисты развязали террор прежде всего против коммунистов и поддерживающих их рабочих. Улицы немецких городов и деревень обагрились кровью.

Штурмовики устраивали настоящие кровопролитные рейды по рабочим районам, все чаще и чаще митинги и собрания коммунистов завершались вооруженными на-

Фриц Шменкель. 1932 год.
Рисованный портрет

летами фашистских бандитов, пускавших в ход железные прутья, свинчатки и огнестрельное оружие. Когда коммунисты оказывали достойный отпор налетчикам, они сталкивались с произволом полиции и судебных властей, неизменно принимавших сторону нацистов. Весной, летом, осенью 1932 года, последнего года существования Веймарской республики, дело доходило уже почти до баррикадных боев.

...Это случилось 1 мая 1932 года.
В небольшом местечке Варзов.
Во время демонстрации местных коммунистов и антифашистов против нацистской угрозы.
На центральной улице близ гаштета «Неельс».
Группа штурмовиков, вооруженных железными трубами и велосипедными цепями, напала на демонстрантов.
Безоружных.

На помощь озверевшим коричневорубашечникам подоспели полицейские. Власти не пытались установить, кто открыл стрельбу по демонстрантам — штурмовики или полицейские.

Никто не искал убийцу и не привлек его к ответу.

Убийцу... Потому что был убитый. Пистолетной пулей в голову.

Никто не знает имени убийцы. Известно только имя его жертвы.

Убитого звали Пауль Краузе.

Он был рабочим, антифашистом, коммунистом.

Шестнадцатилетнему Фрицу Шменкелю он приходился родным отцом...

Барабаны войны

Вечером 30 января 1933 года Фриц Шменкель, как и миллионы других немцев, включил свой дешевенький радиоприемник и сразу напоролся на бравурную медь «Баденвейлеровского марша». Потом из динамика донесся бесстрастный голос столичного диктора. Шел репортаж из Берлина о факельном шествии по поводу провозглашения Адольфа Гитлера, фюрера национал-социалистской немецкой рабочей партии, имперским канцлером. Колонна за колонной ревущих, горланящих, торжествующих штурмовиков, эсэсовцев, членов союза «Стальной шлем» с грохотом отбивали шаг.

Твердый шаг, крепкие ребята, чугунные кулаки, луженые глотки. Двадцать пять тысяч глоток заглушали оркестр:

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать!
Мы все равно будем маршировать дальше.
Потому что сегодня нам принадлежит Германия,
Завтра — весь мир!

А с балкона президентского дворца благосклонно взирали на колыхащееся людское море престарелый рейхспрезидент и сорокатрехлетний рейхсканцлер. Гинденбург и Гитлер. Фельдмаршал и ефрейтор минувшей войны словно приветствовали первые шаги нарождающегося третьего рейха навстречу новому всемирному кровопролитию. Эту факельную ночь, эти ликующие возгласы, этот топот кованых сапог штурмовиков по мостовой Вильгельмштрассе отделяли от первых выст-

релов второй мировой войны всего шесть лет и семь месяцев.

В Германии совершался переворот. Именно переворот, хотя формально Адольф Гитлер и его клика пришли к власти в соответствии с действующей, а точнее, агонизирующей конституцией Веймарской республики. Обычно захват власти становился венцом предшествовавшего ему мятежа или иного насильственного акта против законного правительства, а в Германии все произошло в обратной последовательности. Самое государственную власть наиболее реакционные круги Германии при молчаливом одобрении зарубежных финансовых олигархий вручили нацистам вполне респектабельно. Подлинный же захват власти, формирование и упрочение кровавого фашистского режима, реализация чудовищной программы гитлеризма фактически начались после 30 января 1933 года.

Гитлер лгал, лицемерил, петлял, изворачивался, отрекался от своих слов. Но он не отрекся ни от одного слова самого позорного творения, которое выходило когда-либо из-под пера человека! На страницах его «Майн кампф» есть все, что было потом: костры из книг Гейне и Маркса на Александерплац, смрад печей Майданека, «Дранг нах Остен»... Нет только разгрома под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, алого флага над рейхстагом. Но это уже страницы другой книги — «Истории Великой Отечественной войны» советского народа, героической борьбой и ценой гибели 20 миллионов своих граждан поставившего последнюю точку в хронологии германского фашизма.

«Кто платит музыкантам, тот заказывает музыку...»

Деньги платили ведущие монополии.

Подлинные владыки Германии определили и внутреннюю и внешнюю политику фашистского правительства. За предоставленную ему власть Гитлер обязан был сломить рабочий класс Германии, уничтожить его авангард — коммунистическую партию, а затем в самый короткий срок подготовить и победоносно завершить «блицкриг» — молниеносную войну в целях установления мирового господства немецкого империализма.

Страну еще можно было спасти от фашистской диктатуры. Центральный Комитет КПГ, ее вождь Эрнст Тельман призвали к единству действий рабочего класса, к массовому и сплоченному отпору нацистам. Соци-

ал-демократы и профсоюзные бонзы и на этот раз отвергли все предложения коммунистов.

Гитлер распустил рейхстаг и назначил на 5 марта новые выборы. А перед этим под предлогом «защиты немецкого народа» коммунистов лишили всех средств предвыборной борьбы и штурмовики разгромили Дом имени Карла Либкнехта в Берлине, в котором размещался ЦК КПГ. В ночь на 28 февраля запылало подожженное штурмовиками под личным наблюдением Германа Геринга здание рейхстага. Пожар на площади перед Бранденбургскими воротами послужил сигналом к открытому террору. В ту же ночь по всей стране было схвачено свыше десяти тысяч коммунистов. Поначалу их бросили в подвалы казарм штурмовиков. Потом началось строительство. Первыми сооружениями нацистского правительства стали огороженные колючей проволокой под электрическим током высокого напряжения бараки концентрационных лагерей: Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Равенсбрюк. Вскоре цепь концлагерей опутала всю Германию.

И все же, несмотря на открытый террор, сильнейшее давление на избирателей, шантаж, угрозы, гитлеровцам не удалось собрать и половины голосов на выборах 5 марта. 22 миллиона избирателей отвергли нацистскую программу. Тогда Гитлер просто-напросто аннулировал приказом министра внутренних дел депутатские мандаты 81 коммуниста, избранного в рейхстаг, и получил нужные ему две трети голосов. А затем наступила очередь и социал-демократов: нацисты аннулировали и их мандаты.

В Германии появилось новое учреждение — нацистская государственная тайная полиция. Оставшемуся безвестным мелкому почтовому чиновнику на Берлинском почтамте надоело выводить на конвертах длинное наименование — гехаймштаатсполицай,— и он придумал для него удобную для запоминания аббревиатуру: гестапо. Это слово надолго запомнится не только немцам. Слово, ставшее общепринятым названием страшного порождения германского фашизма.

14 июля 1933 года все политические партии в Германии, даже буржуазные, кроме, разумеется, НСДАП, были официально запрещены. Еще через несколько месяцев был принят закон «Об обеспечении единства партии и государства». Отныне все правительственные уч-

реждения и политические институты превращались в послушный инструмент фашистской партии.

После смерти 2 августа 1934 года Пауля фон Гинденбурга посты рейхспрезидента и рейхсканцлера были объединены в лице фюрера национал-социалистской партии Адольфа Гитлера.

«Кто платит музыкантам, тот заказывает музыку...» Отныне оркестранты исполняли только военные марши, гимн штурмовиков «Хорст Вессель» и залихватскую солдатскую песенку «Лили Марлен». Впрочем, в торжественных случаях снова гремело: «Германия, Германия, превыше всего!»

16 марта 1935 года Германия нарушила одно из важнейших положений Версальского мирного договора: в стране была введена всеобщая воинская и трудовая повинность.

Обязательной трудовой повинности подлежали все юноши и девушки Германии. Не случайно Гитлер объявил трудовую повинность фундаментом национал-социалистского государства. Геббельсовская пропаганда превозносила это нововведение до небес, демагогически спекулируя на традиционном трудолюбии немецкого народа.

На самом деле юношей и девушек загоняли сроком от шести месяцев до двух лет в трудовые лагеря для использования их на военных объектах и подготовки массовой армии, для воспитания в духе слепого повиновения и абсолютной преданности национал-социализму и фюреру Адольфу Гитлеру.

Муштра начиналась еще в школе. По всей Германии каждое воскресное утро маршировали, невзирая на зной или холод, дождь и снег, под барабанный бой отряды мальчиков и девочек в коричневых рубашках. На ремне — мечта любого мальчишки, настоящий кинжал, очень похожий на эсэсовский и тоже с символической надписью на клинке: «Кровь и честь». Раз-два! Раз-два! — отбивают шаг посиневшие от холода мальчишки и девчонки. Раз-два! Раз-два! — бьют барабаны, пронзительно взвизгивают флейты. Раз-два! Раз-два! — подхлестывают подростков молодцы постарше — «югендфюреры». Это шагают будущие солдаты и эсэсовцы, а пока «гитлерюгенд» — «гитлеровская молодежь».

Из них готовили стражей нового порядка, хозяев германизированной в национал-социалистском духе Ев-

ропы. Это о них говорил Гитлер: «Мы хотим произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали, жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать, слоя, который сумеет установить и сохранить без колебаний свое господство над широкой массой». Они стали... не расой господ, а пушечным мясом, безжалостно брошенным в мясорубку войны.

Никогда не был в «гитлерюгенд» Фриц Шменкель. Он оставался сыном коммуниста и комсомольцем. Даже тогда, когда и его подвергли процедуре «промывки мозгов» в лагере трудовой повинности. Повестку принесли в конце сентября, а в октябре 1936 года он уже прибыл в лагерь под Бойтеном на Одере. Это было голое пространство, отрезанное от окружающей местности забором из колючей проволоки. Вдоль единственной «улицы» с соблюдением строжайшей симметрии выстроились два десятка одинаковых, унылых, как свинцовая вода в Одере, дощатых бараков. Здесь уже жили сотни юношей, одетых в робу, очень похожую на солдатскую форму. Только на бедре вместо кинжального штыка — малая саперная лопата с остро отточенным лезвием.

Распорядок дня, весь режим были почти точным слепком с солдатской жизни. В лагере царила строгая армейская дисциплина, действовали воинские уставы.

Полдня Фриц и сотни таких же, как он, молодых людей работали на сооружении оросительных систем, строительстве дорог, осушении болот, иногда — это считалось почти отдыхом — на окрестных фермах. Зарплата полагалась более символическая, нежели реальная. Солдат вермахта, и тот получал больше. Именно они — сотни тысяч юношей и девушек, загнанные в лагерные бараки,— построили автомобильные дороги, без которых была бы немыслима быстрая переброска войск и военной техники.

До обеда молодые люди работали на войну, а вторую половину их готовили к войне.

«Раз-два! Раз-два! Раз-два!» — повзводно и поротно маршировали по плацу молодые люди в полувоенной одежде, на ходу перестраивались по команде, бросались на землю, ползли по-пластунски, вскакивали, бежали, снова маршировали. И, совсем как штыки, сверкали под солнцем надраенные до зеркального блес-

ка лопаты. С той же лопатой под руководством опытных инструкторов отрабатывались не только ружейные приемы, но и навыки рукопашного боя.

Закрыв глаза после отбоя, Фриц Шменкель еще долго слышит в полусне сиплый голос инструктора: «Отбив вправо! Отбив влево! Короткий укол! Длинный укол! Бей прикладом! Раз-два! Раз-два!»

Первая половина следующего дня, слава богу, нежданно порадовала — работа с лошадьми. На трассе будущей дороги оказался участок, где в осенней хляби увязали грузовики и выручить их могли только могучие першероны. Жаль только, что дня через три и здесь все выровняют, замостят щебенкой, зальют сверху бетоном и лошадей отправят обратно на ферму. Но это произойдет только дня через три, а пока Шменкель отдыхал душой и телом вблизи благородных животных.

Может быть, по причине хорошего настроения (спасибо лошадям), может, и по другой какой, но совершил после обеда Фриц Шменкель то, чего еще никому не удавалось на занятиях: по команде «удар прикладом вперед!» мгновенно перебросил лопату воображаемым дулом к себе («левая рука согнута и прижата локтем к левой стороне груди, правая вытянута вперед»), сделал резкий шаг правой ногой вперед и с силой выбросил черенок — «приклад»... Сотни раз проделывали все это на занятиях, и каждый раз неуловимым движением инструктор успевал уйти в сторону. Потом хлопал тяжело дышащего подопечного по плечу и снисходительно бросал:

— Хорошо! Не расстраивайся, ему так не увернуться...

На этот раз не увернулся инструктор, удар черенком пришелся ему точно в подбородок. Даже не охнув, рухнуло на утрамбованную до асфальтовой твердости землю мускулистое, тренированное тело. Замер в ужасе взвод. Истуканом безмолвным вытянулся Шменкель. В лице ни кровинки. Будь, что будет...

Тяжело, на локтях оторвался от земли ветеран, качнувшись, встал на ноги, сплюнул розовой слюной. В упор взглянул на Шменкеля. Плохо ворочающимся в разбитом рту языком выдавил:

— Молодец, солдат из тебя получится.

В бараке Фрица поздравляли, дружески совали кулаками под ребро, восхищались: «Как ты ему, а?!»

Он молчал. Было противно. Какая же это все-таки мерзость — бить живого человека прикладом в лицо.

Тяжелый труд на стройке, бесконечные занятия на плацу Фриц Шменкель в отличие от многих юношей-горожан переносил без особого напряжения. Ему и дома приходилось не легче. Более того, ворочая лопатой комья замерзшей глины, таская шестидесятикилограммовые носилки с цементным раствором, фехтуя на черенках, он только окреп, налился силой. Среднего роста, неширокий в кости, он вовсе не производил впечатление богатыря. Но был по-настоящему крепок, ловок, увертлив. В бараке мало кто мог справиться с ним в борьбе.

Нет, ни работа, ни муштровка не угнетали всерьез Шменкеля. От чего его воротило по-настоящему, так это от занятий, преследующих целью воспитать молодых людей в духе национал-социализма и абсолютной преданности фюреру Адольфу Гитлеру.

Преподаватели вбивали в головы слушателей звериную ненависть к коммунизму, проповедовали теорию «высшей нордической расы» и «чистоты арийской крови», бубнили о «новом порядке в Европе» и «тысячелетнем рейхе», о «гении и интуиции фюрера», о немецком «народе без пространства», которому только и возможно выжить, если приобретет он себе, главным образом на Востоке, «пространство без народа». Еще говорили они, разжигая темные, низменные страсти о еврейском засилье, о низшей славянской расе, способной, после того как от нее расчистят жизненное пространство на Востоке, лишь на то, чтобы служить рабочей силой в обновленной Германии.

На этих занятиях Фриц Шменкель сидел, стараясь пропустить мимо ушей назойливые слова лектора, напрягая всю волю, чтобы не обволакивали они липкой паутиной сознание и чувства. С ужасом видел, как тупеют, стекленеют под их ядовитым потоком голубые, серые, карие глаза простых, добродушных ребят из городов и деревень. Они, эти парни, уже были другими, не такими, как в первые дни пребывания в лагере. Фриц уже не мог говорить с ними откровенно. Более того, он знал, что это опасно — быть с ними откровенным, что опасно отличаться от них мыслями, поступками и даже жестами. Каждая минута, каждый час в этом лагере с жестокой муштровкой или лекциями, даже с великолеп-

ным хором, исполняющим все тот же «Хорст Вессель», превращали его обитателей в бездушных фашистских роботов, из которых беспощадно вытравливалось все человеческое. Так действовала циничная система оболванивания, главным творцом которой был Йозеф Геббельс.

Чтобы противостоять фашистской машине массового оболванивания и беспощадного подавления всякого несогласия, нужно было обладать большим мужеством, незаурядной волей. Такие люди в Германии были. Они не только не изменили своим убеждениям, но и продолжали бороться за них. Это были коммунисты и антифашисты. Их расстреливали и вешали по приговорам судов и военных трибуналов, убивали без всякого суда и следствия в гестапо и концлагерях. Немногие из них остались в живых после долгих лет заключения в тюремных камерах. «Враги фюрера и рейха», они внесли свой вклад в разгром гитлеровского фашизма, они спасли честь рабочего класса Германии и всей немецкой нации...

Для Фрица не было секретом то, что ожидало тех, кто отказывался принять человеконенавистнические идеи нацистов как свои собственные: застенки рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера.

Так и жил в эти годы рядовой немец. С одной стороны на него обрушивалась лавина нацистской пропаганды, которой было подчинено все: радио, кино, газеты и журналы, музыка, литература, спорт, живопись, графика, с другой — перед его глазами маячил страшный призрак человека в черном мундире и фуражке с «мертвой головой» на околыше... И не было покоя нигде.

А впрочем... Безработицы нет — новые военные заводы и строительство автобанов поглотили пять миллионов пар «лишних» рук, марка набрала силу, пиво опять настоящее, сигареты, кажется, тоже. Что же касается «каретной смазки», то есть маргарина, то его мажет на хлеб даже сам фюрер. Он ведь вегетарианец, не ест мяса, не курит, не пьет, у него нет даже собственной семьи, потому что его семья — это 70 миллионов немцев.

Гитлер, Гитлер, Гитлер... Портреты, бюсты фюрера лезли в глаза на каждом шагу: даже на столиках служителей общественных туалетов. Входя в помещение, немец уже не здоровался, как было заведено от века, а рявкал: «Хайль Гитлер!» Отвечать полагалось тоже

здравицей в честь фюрера. Случайно Фриц заметил, что если быстро, глотая звуки выкрикнуть «Хальб-литер!» — «Поллитра!» — то это вполне сойдет за партийное приветствие. Он так и поступал, пока Клаус, старый приятель, не одернул его.

— Брось,— сказал он,— этот номер не ты один придумал, в гестапо о нем уже знают, не играй с огнем.

Порядки в лагере были суровые. Увольнения полагались только по воскресеньям. Три раза за полгода Фриц получал краткосрочный, два-три дня, отпуск домой. Эти дни он проводил с бабушкой. Для Вильгельмины Шменкель наступал праздник. Она готовила гостинцы, заранее припасала теплые носки и перчатки, сигареты. Рассказывала и деревенские новости. Умер старый печник дядюшка Густав. Дочь кузнеца Ленни вышла замуж и уехала с мужем в Штеттин. Длинный Герберт, с которым Фриц постоянно дрался в школе, приезжал на рождество из Берлина — он служит в эсэсовской части «Адольф Гитлер», которая охраняет самого фюрера.

Фриц только сплюнул. В школе этого Герберта все называли не иначе как «хольцкопф» — дубовая башка. А теперь он щеголяет в черном мундире и хвастает близостью к фюреру.

Понизив голос, хотя вокруг никого не было, бабушка назвала еще несколько имен. Старый приятель отца осужден на пять лет каторжных работ, еще трое неизвестно на какой срок отправлены в лагерь. Жена одного из них уже получила уведомление о смерти мужа от воспаления легких и... счет за кремацию и пересылку урны с прахом.

О брате и сестре Фриц не спрашивал, ему было известно, что они активисты «гитлерюгенд» и знать ничего не желают о нем. Невольно перед глазами всплыло лицо отца с упреком во взоре... «Ты прав, отец, в этом есть и моя вина: не смог, не сумел оградить младших от ядовитого дурмана. Но во мне ты можешь быть уверен...»

Кончался отпуск, Фриц снова возвращался в Бойтен. Он еще не знал, что скоро, очень скоро его одиночеству наступит конец, он встретит настоящего друга, который станет ему самым близким и дорогим человеком.

Впервые они встретились в ноябре, на танцах, ко-

торые устраивались по воскресеньям в деревушке Кляйн-Вербиц. Девушка была невысокой, с пышными, рыжеватыми волосами и темно-карими, широко расставленными, чуть раскосыми глазами. Еще запомнился Фрицу маленький шрамик над левой бровью. Сами брови были густые, в разлет. Звали девушку Эрной Шефер. Ее семья — отец, мать, трое братьев и столько же сестер — жила в поместье Гюлихен под Любеном. Отец был каретным мастером и вел небольшое хозяйство. Дохода от фермы не хватало, и Эрне пришлось с десяти лет работать по дому у местного кузнеца.

Впрочем, в ту самую первую встречу Фриц всего этого еще не знал, кроме того что его партнершу по нескольким танцам зовут Эрной. Они даже не попрощались в тот вечер, не успели.

31 марта 1937 года ребята из роты решили как следует кутнуть, чтобы отметить окончание срока своего пребывания в лагере. Узнали, что вечером будут танцы в другой деревушке — Рерсдорфе, и всей ватагой отправились туда. После того как было выпито все пиво в скромной пивнушке, пошли танцевать. Фриц не поверил своим глазам, когда среди девушек, толпившихся вокруг круга, увидел Эрну, о которой он ничего не слышал с той ноябрьской танцульки. К своему удивлению, почувствовал, что обрадовался.

— Ты как сюда попала? — спросил он, забыв поздороваться даже.

Странное дело, но Эрна этого словно и не заметила. Нет, конечно, она не вспоминала все эти месяцы худощавого русоволосого парня с такими прозрачными глазами, но новая и нечаянная встреча почему-то взволновала и ее.

— Очень просто, в Рерсдорфе живет моя сестра, Минна Шорш. Она замужем за местным. У нее родился ребенок, вот я и приехала помочь...

В тот вечер они танцевали только друг с другом. А дальше... Фриц и опомниться не успел, как понял, что влюблен в эту девушку, наделенную тихим нравом, но твердым характером. Они долго гуляли по улочкам Рерсдорфа и вдруг обнаружили, что уже не просто разговаривают, а строят планы совместной жизни...

Фриц Вернер Ганс Шменкель и Эрна Элизабет Шефер зарегистрировали свой брак 30 октября 1937 года во Фрауэндорфе.

В Варзове они жили больше года. Сначала вдвоем, потом — с дочкой. Урсула родилась семи месяцев, была слабенькой и болезненной. Молодым родителям пришлось немало поволноваться, пока они выхаживали своего первенца. У Шменкелей будут еще дети — девочка и мальчик, но только у Урсулы сохранится в памяти смутный облик отца. Криста и Ганс будут знать его только по двум фотографиям.

В августе 1938 года Шменкелям пришлось переехать в Гюлихен, к Шеферам; Эрна ждала второго ребенка и без помощи родителей им было не обойтись.

В Гюлихене Фрицу удалось устроиться на местный кирпичный завод. Работа была тяжелая, заработки скудные. Фриц, однако, не унывал. Он и Эрна любили друг друга и были счастливы.

Вообще все бы было хорошо, если бы не одно обстоятельство: родителям Эрны политически «непрозрачный» зять не пришелся ко двору.

Старый Шефер, как и каждый правоверный член НСДАП, свято верил, что фюрер действительно уничтожит крупные поместья, установит в Германии порядок и обеспечит богатство всему народу.

Муж Эрны позволял себе не только не соглашаться со старым Шефером по сугубо семейным вопросам, он осмеливался язвить в адрес господина рейхсканцлера! В доме начались ссоры, и трудно сказать, чем бы все это кончилось, если бы 2 декабря 1938 года, за две недели до рождения второй дочери, Кристы, Фрица Шменкеля не призвали в вермахт. Повезло лишь в одном — служить предстояло недалеко от родных мест, в Штеттине. Вместе с ним ушел его новый приятель, гюлихенский батрак Бернгард.

Снова шагистика: раз-два! раз-два! Отработка строевых и ружейных приемов. Изучение материальной части винтовки «маузер», автомата «шмайссер» и сменившего его автомата «38—40» с откидным прикладом, ручных пулеметов. Он научился метать гранату на длинной деревянной ручке, которую солдаты называли «толкушкой», вычищать грязь из швов сапог ребром монеты, а из прорези болтов карабина — заостренной спичкой.

Устав внутренней службы строго регламентировал каждую минуту солдатского времени, каждый его шаг, вздох и содержимое карманов. В последних, для целей

вышеупомянутых, всегда должны были находиться и мелкая монета, и заостренная спичка.

Все эти военные премудрости Фриц освоил с легкостью. Должно быть, поэтому его перевели в учебную команду, готовившую наводчиков зенитных и противотанковых орудий. Командиры, вероятно, полагали, что прекрасно обученный, хотя и не слишком дисциплинированный рядовой Фриц Шменкель полностью подготовлен к выполнению своих функций в огромной машине вермахта. Иначе думал он сам...

Формально в Европе еще был мир. На самом деле Германия уже развязала агрессию. В марте 1938 года захвачена и включена в состав рейха Австрия. В том же 1938 году — позорная сделка в Мюнхене. 15 марта 1939 года фашистские танки вступают без единого выстрела в Прагу.

1 сентября 1939 года дивизии вермахта вторглись в Польшу.

Вторая мировая война началась...

3 сентября были опубликованы «Основы внутренней безопасности государства во время войны», первый пункт которых гласил: «Каждая попытка дезорганизовать сплоченность и готовность немецкого народа к борьбе должна беспощадно подавляться. Особенно срочно следует принять меры к аресту лиц, сомневающихся в победе немецкого народа или в справедливости войны».

Сегодня трудно сказать, как сложилась бы судьба Фрица Шменкеля, если бы он был жителем крупного промышленного города с пролетарскими традициями, где в годы даже самого ожесточенного фашистского террора продолжали существовать и активно бороться группы Сопротивления, руководимые коммунистами. Но Фриц Шменкель жил в крохотных городках, где все были на виду, где каждый знал все о всех.

Быть может, это парадоксально, но первые мысли об активном сопротивлении у Фрица Шменкеля возникли именно в армии.

Трижды за время своей службы Фриц Шменкель самым дерзким образом нарушал воинскую дисциплину, совершая проступки, именуемые в армии «самовольной отлучкой из расположения части». Самоотлучался он домой... Проездных документов Шменкелю, разумеется, никто не давал. Денег у него не бывало, а дорога

предстояла неблизкая. Солдат вермахта получал на свои расходы 45 марок в месяц, и они уходили как вода сквозь пальцы. Фриц разработал свою «проездную тактику»: покупал за 20 пфеннигов перронный билет и входил с ним в вагон поезда, следующего в нужном ему направлении. Когда в дверях вагона показывался кондуктор, Фриц закрывал глаза, притыкался головой к подлокотнику и делал вид, что спит. Кондуктор проникался сочувствием к солдату, должно быть безмерно уставшему, и не будил, тем более, что какой-то билет у него торчал из-под отворота пилотки. Так и добирался он до станции Раудтенштадт, где в марте 1939 года Эрна получила наконец две крохотные комнатки с кривыми стенами в мансарде двухэтажного дома, при котором был — немаловажное дело — еще и огородик.

«Самоотлучки» кончались одинаково: на пятый-шестой день в Раудтенштадте появлялись два унтер-офицера из Штеттина и арестовывали беглеца. За сим следовало пять — десять суток гауптвахты.

До 1 сентября у Фрица еще теплилась надежда, хотя и слабая, отбыть солдатскую лямку, как отбыл он трудовую повинность. Но укрыться от разразившейся, пусть и короткой, войны было негде.

Воинская часть, в которой служил Фриц Шменкель в качестве наводчика зенитного орудия, участвовала в шестинедельной войне с Польшей. О доле участия ефрейтора Шменкеля (к этому времени он уже заработал на рукав одинарную, уголком, серебристую нашивку) в боевых действиях ничего не известно. Вряд ли оно было значительным. Частям немецкой ПВО в этой войне делать было почти нечего. Сам Шменкель, когда попал наконец домой, рассказывать о войне наотрез отказался. Из его уклончивых фраз Эрна поняла только одно — ее муж не желает иметь с войной ничего общего. Разговор этот состоялся в конце октября...

Фриц появился неожиданно. Эрна даже испугалась, увидев его в дверях. Он не писал ей, что должен приехать в отпуск. Муж успокоил, сказал, что их часть переводится из Польши во Францию и в Берлине всем дали 48 часов отпуска. Эрна немного успокоилась, но не поверила. Пока Фриц умывался в кухне, сбросив мундир, она сделала то, чего не делала никогда раньше,— заглянула в солдатскую книжку мужа: увольнительного удостоверения там не было.

После ужина Фриц долго играл с крохотной Кристой. Только поздним вечером, когда дети уснули, Фриц сознался Эрне, что дезертировал из части.

Эрна умоляла мужа не рисковать и вернуться на службу, пока дело не зашло слишком далеко.

— Я не хочу воевать и погибнуть на войне за Гитлера! — твердо отвечал он на все увещевания жены.

У Эрны не нашлось аргументов, чтобы переубедить мужа. Она любила его, боялась за него, но не могла предложить никакого другого выхода. Да Фриц и не нуждался в этом. Он не собирался менять своего решения.

Фриц уехал, но не в свой полк, а в Рерсдорф, где две недели помогал сестре Эрны Минне Шорш убирать картошку. Когда он вернулся в Раудтенштадт, его уже ждали. Вахмистр местной полиции Вальтер, знавший Шменкеля в лицо, арестовал его у дома, даже на порог ступить не дал. Тут же на улице отобрал тесак и солдатскую книжку. О гауптвахте теперь не могло быть и речи. Ефрейтора Шменкеля отправили в Берлин. Следствие продолжалось до середины января 1940 года. За весь этот период Эрна не получила от мужа ни одной весточки — подследственные права на переписку и свидания не имели.

Поступок Шменкеля, хотя в чем-то и наивный, вовсе не был таким уж опрометчивым. В общем Фриц все рассчитал правильно. Власти тогда не были склонны предавать огласке факты дезертирства из армии: ведь пропагандистская машина нацистов твердила о полном единстве нации. Потому военный суд счел за лучшее объяснить проступок ефрейтора Шменкеля легкомыслием молодого солдата, острой тягой к жене и маленьким детям, этаким импульсивным актом, не имеющим никакой серьезной подкладки. Фрица такая трактовка его проступка вполне устраивала. Он не был настолько наивен, чтобы заявлять фашистскому военному суду о своих антинацистских и антимилитаристских убеждениях. В результате последовал сравнительно мягкий приговор. Шменкель получил за самовольную отлучку из воинской части 18 месяцев заключения. После суда его отправили в военную тюрьму в Торгау.

Подъем в 4.30 утра. Из переполненных камер заключенных выгоняли во двор, где невыспавшиеся и голодные они должны были полтора часа стоять под откры-

тым небом в ожидании встречи с комендантом тюрьмы. Встреча заключалась в том, что полковник гаркал: «Хайль, солдаты!» Заключенные в ответ должны были дружно проорать: «Хайль, господин полковник!» Если получалось вразнобой, полковник вызывал караульное подразделение и оно несколько часов кряду занималось с заключенными «утренней зарядкой».

«Вставай! Ложись! Вставай! Ложись!» — следовало беспрерывно до тех пор, пока самый крепкий не оставался, обессиленный, на утрамбованной земле. Остальные средства и методы перевоспитания провинившихся солдат вермахта были примерно в том же роде. Свиданий не полагалось. Раз в шесть недель разрешалось отправить письмо домой и получить тоже одно письмо — только от ближайших родственников. Из мартовского письма Эрны Фриц узнал, что 12 февраля у него родился третий ребенок — сын Ганс.

О себе Фриц писал домой немногословно. Все, дескать, нормально. Ничего другого тюремная цензура все равно не пропустила бы. Не мог же он написать, что однажды надерзил надзирателю. Тот ничего не сказал в ответ, повернулся и ушел. Но вечером, уже после отбоя, Фрица вызвали из камеры в караульное помещение и жестоко избили. Через год его перевели из тюрьмы в лагерь Кобник, где он и отбыл оставшийся срок наказания.

Пройдут годы после окончания мировой войны, и во время ремонтных работ на стене одной из камер старой военной тюрьмы города Торгау штукатуры обнаружат нацарапанные чем-то острым инициалы «Ф» и «Ш», а также изображение серпа и молота...

Заключенные лагеря Кобник продолжали считаться военнослужащими вермахта, приговор лишь прерывал, но не отменял прохождение ими действительной службы. Посему им вменялось в обязанность, в частности, быть в курсе международных и внутренних событий. Разумеется, в интерпретации нацистской пропаганды. Как бы то ни было, Фриц Шменкель и его товарищи знали, что происходит в мире. А там шла война...

9 апреля 1940 года фашистские войска вторглись в Данию и Норвегию. 10 мая — в Бельгию, Голландию и Люксембург. В конце мая последовала катастрофа союзных войск в Дюнкерке, а 22 июня французское правительство «национальной измены» престарелого мар-

шала Петена подписало позорную капитуляцию в Компьене. Гитлер приказал провести эту унизительную процедуру в том самом месте и в том же вагоне маршала Фоша, где некогда было зафиксировано поражение Германии в первой мировой войне.

Вместе с другими заключенными солдатами Фриц Шменкель в душном кинозале в обязательном порядке смотрел хронику... Гитлер в Компьенском лесу в окружении генералов почти приплясывает от радости... Германские саперы взрывают французские памятники в Компьенском лесу... Гитлер возвращается в Берлин на бронепоезде, подаренном ему Муссолини. По Унтер-ден-Линден маршируют солдаты дивизии, занявшей Париж...

Разные люди сидели в лагере Кобник. Кроме скрытых антифашистов, вроде Шменкеля, здесь были и солдаты, совершившие действительно уголовные преступления, и военнослужащие, вполне разделявшие нацистские взгляды, но в чем-то провинившиеся. На события, запечатленные кинокамерой, они и реагировали по-разному. Большинство шумно выражало свой восторг. Некоторые вяло аплодировали вместе со всеми. Но были и такие, как Шменкель,— эти подавленно молчали. Уж очень несокрушимой выглядела на экране мощь вермахта, уж очень ликовала толпа, приветствуя фюрера на берлинских улицах. И это не могло не вызвать в душе Фрица Шменкеля чувств горечи, разочарования, глубокой тревоги за будущее Германии. Не ожидал он, что так много немцев поддастся шовинистическому угару и нацистской пропаганде. Да, так было... «Только часть немецкого народа,— писал об этих месяцах Вальтер Ульбрихт,— с коммунистами во главе осталась на антифашистских, демократических позициях, не утратила способности трезво оценивать политическую действительность». К этой части лучших сыновей немецкого народа принадлежал и отбывавший тюремное заключение ефрейтор Фриц Шменкель.

Дни в лагере тянулись мучительно долго. Работа в мастерских, на которую гоняли заключенных, не доставляла ни малейшего удовлетворения, у строевых занятий была хоть одна положительная сторона — какая-никакая, а все же физическая разминка. Единственная радость — редкие весточки из дома, от Эрны и бабушки.

Как-то приходится Эрне с тремя детьми, малышками, каким образом умудряется она прокормить их и себя на 82 марки пособия? Денег этих, конечно, не хватало. Поэтому по субботам и воскресеньям Эрна батрачила у местных кулаков, за полный рабочий день она получала три марки, еду, еще разрешали взять домой пакет картофеля... Она не жаловалась, наоборот, пыталась, как могла, приободрить мужа.

Уже через месяц после спектакля в Компьенском лесу началась разработка плана войны против СССР, а в декабре — январе Гитлер утвердил план, известный в истории как план «Барбаросса». К июню 1941-го были оккупированы Югославия и Греция. На границе с Советским Союзом сосредоточивалась огромная сила — пять с половиной миллионов солдат и офицеров немецких войск и войск сателлитов Германии. На их вооружении было невиданное в истории количество военной техники.

В воскресенье, 22 июня, в лагере поднялась необычная для выходного дня суматоха. Забегали, засуетились надзиратели, сгоняя в неурочный час заключенных на плац. Там, окруженный группой офицеров, уже находился комендант лагеря. В руках пакет. Ломающимся от волнения голосом полковник зачитал воззвание фюрера к немецкому народу. В нем, словами лживыми и высокопарными, утверждалось, что русские давно готовились нанести удар Германии и ее войскам не оставалось ничего другого, как опередить врага и самим напасть на него первыми.

Застыли на плацу солдаты. Каждое слово коменданта падает как камень.

Фриц уже ничего не слышал. Случилось самое страшное. Для Германии, для каждого немца, для его семьи, для него самого. Война против СССР... Всплыли в памяти слова отца: «Где бы ты ни был, сынок, защищай Советский Союз...»

Через два месяца, даже раньше, заканчивается срок его заключения. Выходит, избежав огня малой войны, он попадает в полымя большой...

Через день Коммунистическая партия Германии обратится из подполья с воззванием к немецкому народу. В нем будут такие слова: «Дело, которое защищает победоносная Красная Армия,— это наше собственное дело. Наш враг находится в нашей собственной стране:

фашистские рабовладельцы — вот наш враг. Победа Красной Армии и борющихся за свою национальную свободу угнетенных народов будет также победой немецкого народа».

Это были справедливые и вещие слова, но они навсегда останутся неизвестными Фрицу Шменкелю. Это не помешает, однако, ему, сыну коммуниста, поступить в точном соответствии с партийным призывом. Никогда не услышит он даже фамилий двух своих товарищей, первыми в вермахте сделавших тот шаг, который через пять месяцев совершит по доброй воле он сам.

21 июня 1941 года в 9 часов вечера рабочий из Кольберга, солдат 222-го полка 75-й пехотной дивизии Альфред Лискоф переправился вплавь через пограничную реку, рискуя оказаться под огнем с обоих берегов. Он заявил командиру погранотряда Бычковскому:

— Сегодня вечером нам объявили приказ о наступлении, и я сразу побежал, чтобы вас предупредить. Не думайте только, что я подослан или обманываю. Я перешел потому, что ненавижу Гитлера. В Германии много верных друзей Советской России...

Примерно в это же время другую пограничную реку — Сан переплыл унтер-офицер Вильгельм Шульц. На середине реки его настигла фашистская пуля. Шульц нашел в себе силы доплыть. На противоположном берегу его подхватили и вытащили из воды советские пограничники. Рана была смертельной, но все же Шульц успел произнести несколько слов:

— Друзья, братья, я коммунист, через час вспыхнет война, будьте зоркими...

На отпор вероломному врагу поднялся весь советский народ. Началась Великая Отечественная война.

И хотя гитлеровская армия в первые недели войны добилась значительных успехов, победоносного блицкрига не состоялось...

В двадцатых числах июля закончился срок заключения ефрейтора Фрица Шменкеля. В лагерной канцелярии ему вернули документы, выдали деньги и удостоверение об отпуске на две недели.

За несколько дней до освобождения Шменкель заявил коменданту, что в тюрьме и лагере он полностью перевоспитался и желает доказать это честной и добросовестной службой в победоносной армии фюрера. И непременно на Восточном фронте, только там...

Восточный фронт

Дома, в семье, Фриц Шменкель пробыл значительно дольше двух положенных ему недель. Как выяснилось у воинского начальника, никто его на Восточный фронт посылать пока не собирался. Фриц удивился: как так, ведь все же война? Начальник отвечал уклончиво, но — маленький городок остается маленьким городком, в нем секреты не держатся. Словом, вскоре до Фрица дошло, что он считается политически неблагонадежным и потому решено не направлять его в действующую армию на Восточный фронт. Они боятся, что он снова дезертирует... В этом была своя логика. Мысль о новой «самовольной отлучке из расположения части» теперь не оставляла Шменкеля ни днем, ни ночью. То, что воевать против Красной Армии, за Гитлера и его клику он не станет, не было для него предметом рассуждений. Неделя тянулась за неделей...

Он стал раздражительным и рассеянным. Эрна, как могла, пыталась успокоить его. А он думал о Красной Армии. Там, в ее рядах, было его место.

По ночам Фриц слушал радио, хотя к передней стенке его дешевого приемника, как и ко всем приемникам в стране, по приказу рейхсминистра Геббельса была прикреплена металлическая дощечка с грозной надписью: «Слушание иностранных передач есть преступление против национальной безопасности нашего народа. Оно по приказу фюрера сурово карается».

Это преступление Фриц Шменкель совершал каждую ночь, когда засыпала жена. Чаще всего ему удавалось поймать «Би-Би-Си» (позывные ее передач на немецком языке имитировали стук в дверь). Реже — Москву.

Нельзя сказать, чтобы последние известия приносили ему большую радость. Положение Красной Армии было невероятно трудным. Но она боролась и перемалывала в ожесточенных боях цвет непобедимой дотоле немецко-фашистской армии. А это было главное, что требовалось знать Фрицу, слушавшему иностранные радиопередачи.

Он стал регулярно появляться на призывном пункте и вести долгие патриотические разговоры с пожилым капитаном, который искренне не понимал, что могут там, наверху, иметь против ефрейтора Шменкеля, же-

лающего добровольцем отправиться не куда-нибудь в Париж, а на Восточный фронт!

Узнав об этих визитах Фрица на призывной пункт, Бернгард решил, что Шменкель спятил. Самому Бернгарду призыв не угрожал: год назад он попал в аварию, искалечил руку и теперь был признан годным к использованию только в порядке трудовой повинности.

Фрицу пришлось выслушать от друга много неприятных слов. Тот обвинял его сначала в слабоумии, потом в оскорблении памяти отца, наконец, в измене настоящей Германии и антифашистским убеждениям. Фриц сидел, понурив голову. Возразить ему было нечего. Бернгард говорил его собственными словами... Так они расстались, почти врагами. Затеряются в водовороте войны следы одного из немногих друзей Фрица Шменкеля. Дожил ли верный товарищ до освобождения родины от фашизма, довелось ли ему узнать о судьбе Фрица Шменкеля, которого он корил изменой? Кто знает...

Как бы то ни было, Шменкель продолжал добиваться отправки на фронт. Что же касается светлой памяти Пауля Краузе — тут совесть его не мучила. Он не предал его.

Были слезы, были последние горькие поцелуи. Слов упрека не было. Может быть, Эрна сама стала о чем-то догадываться, может, просто была убеждена, что ее Фриц не способен совершить ничего плохого и, уж если решил пойти на фронт, значит, так надо.

— Обо мне и детях не беспокойся, только пиши чаще. Если сможешь,— лишь сказала она на прощание.

В Берлине перед отправкой эшелона Фриц получил увольнение в город на четыре часа. В глаза бросилось, что всюду, где только можно, места мужчин, призванных в армию или направленных на военные предприятия, заняли женщины. Они были теперь на пропускных пунктах подземки, и официантками в пивных залах, и почтальонами, и даже вагоновожатыми трамвая.

За Бранденбургскими воротами внимание Фрица привлекла закопченная громада рейхстага. После пожара тридцать третьего года здание так и не отремонтировали. Да оно никому и не было нужно — рейхстаг фактически никакой роли в политической жизни рейха не играл, в редких же торжественных случаях его заседания, которые сводились к восхвалению фюрера, созы-

вались тут же неподалеку, в помещении оперы «Кролль».

На вокзале Фриц купил несколько номеров иллюстрированных журналов с кроссвордами, пяток сигарет и на электричке вернулся в роту.

До отправки эшелона оставалось два часа. Огромный, переполненный людьми ангар Силезского вокзала гудел как улей. Из-под высокого стеклянного свода свисали колоссальных размеров стяги со свастикой, какие-то призывные лозунги, с дальней платформы доносился удвоенный эхом марш — это гремел, провожая фронтовиков, духовой оркестр железнодорожников, облаченных в черные парадные мундиры. Почти из каждого вагона тоже неслась музыка: заливались аккордеоны, то визгливо, то нежно вторили им губные гармошки.

Пробившись сквозь толчею, Шменкель отыскал свой вагон, место у окна было занято заранее. В дверь заглянул лейтенант, кивнул головой, дескать, хорошо, что не опоздал, в глазах некоторое удивление: ефрейтор вернулся из города трезвый как стеклышко. Странный парень.

Потом до Фрица донесся с платформы его голос:

— Солдаты! По вагонам! Отправляемся!

Послышался заливистый свисток кондуктора, лязгнули буфера вагонов. Поехали.

До Франкфурта-на-Одере эшелон домчал за два часа. Варшаву миновали ночью. Дальше поезд потащился еле-еле, путь на восток был забит эшелонами с войсками, танками, орудиями, боеприпасами, другими военными грузами.

После того как проехали Брест, лейтенант провел с солдатами беседу о войне на Востоке. Он говорил, что большевизм — это смертельный враг Германии, поэтому большевистский солдат потерял все права на то, чтобы с ним обращались в соответствии с Женевской конвенцией... Что большевистских офицеров, комиссаров и евреев нужно уничтожать на месте. Потом лейтенант рассказал, что на территории, занятой войсками фюрера, действуют отряды фанатиков-коммунистов, которые называют себя партизанами. Они нападают на солдат и офицеров вермахта, пытаются устраивать диверсии на железных дорогах. Поэтому надо соблюдать постоянную бдительность.

Слушая рассуждения лейтенанта, Шменкель не мог знать, что тот знакомит их с приказом фельдмаршала Кейтеля от 16 сентября 1941 года о «коммунистических повстанцах». Он гласил, в частности: «...следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости».

Нападение фашистской Германии поставило народы СССР перед лицом смертельной опасности. «Правда» писала на третий день войны: «Мы не рассчитываем на легкую победу. Мы знаем, что победа над фашизмом, над чужеземными ордами, вторгшимися в нашу страну, будет трудна и потребует от нас немало жертв... Победа зависит от нас самих — от нашей самоотверженности, от нашей дисциплинированности... от нашей готовности жертвовать всем для достижения победы».

29 июня 1941 года была принята директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков: «Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы».

Начавшаяся сразу же после вторжения немецко-фашистских войск партизанская война в тылу врага стала важным фронтом Великой Отечественной войны. Именно о ней гласил один из разделов директивы: «в занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи... и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Девизом партизанской борьбы стал выдвинутый партией лозунг: «Пусть земля горит под ногами фашистских оккупантов!» И она запылала — российская, украинская, белорусская. Партизанские отряды, группы подпольщиков создавались повсюду, куда ступила нога оккупанта: в Латвии, Литве, Эстонии, Карелии, Молдавии... Шли в партизаны люди всех возрастов и про-

фессий, партийные и советские работники, ветераны гражданской войны и школьники-комсомольцы, рабочие и колхозники, учителя и инженеры, бойцы и командиры Красной Армии, попавшие в первые месяцы военных действий в окружение, бежавшие из лагерей военнопленные...

18 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принял Постановление об организации борьбы в тылу германских войск. Центральный Комитет указал на необходимость усиления партийного руководства партизанской борьбой и выразил уверенность, что в этой борьбе «нас беззаветно поддержат в каждом городе и в каждом селе сотни и тысячи наших братьев и друзей, попавших теперь под пяту германских фашистов и ждущих с нашей стороны помощи в деле организации сил для борьбы с оккупантами».

...В Минске Шменкель увидел первых русских пленных. Их было человек двадцать — в выцветших гимнастерках и галифе, мятых пилотках, большинство в сбитых ботинках с обмотками. Они разбирали бревна и доски на платформе, видимо поврежденной при бомбежке еще в первые дни войны. За пленными лениво присматривали два автоматчика. Не нужно было обладать особой наблюдательностью, чтобы определить — эти русские давно голодают и с ними дурно обращаются. Лица у них были изможденные, движения вялые и плохо координированные, глаза казались тусклыми и безразличными.

Солдаты высыпали из вагона, подошли поближе. Кто-то бросил в сторону пленных сигарету. Высокий русский попытался поймать ее, но не успел, охранник носком сапога ловко отшвырнул сигарету далеко в сторону, огрел пленного по шее тыльной стороной автомата.

Солдаты загоготали. Ухмыльнулся во весь рот и тот, что бросил сигарету. Крикнул часовому:

— Не сердись! Где ты набрал этих доходяг?

Охранник, сделав несколько шагов в их сторону, ответил уже вполне миролюбиво:

— Их пригоняют каждый день, но долго они не задерживаются, кто работает плохо, а они все работают плохо, тех та-та-та...

Солдаты снова рассмеялись и отправились к разбитой коробке вокзала — искать пива.

Фриц вернулся в вагон. На душе у него было муторно. Он уже перезнакомился со всеми солдатами в вагоне. Вроде неплохие ребята, его погодки. Не похоже, чтобы кто-нибудь из них состоял в активных наци. Почему же они так довольно ржали, когда этот мерзавец ударил русского автоматом только за то, что тот хотел поднять сигарету?

И снова громыхал состав по необъятной равнине. Деревни и маленькие городки попадались реже, чем в Германии. Людей на улицах почти не видно, даже детей, и было в этом безлюдье что-то гнетущее и тревожное.

В Смоленске объявили выгрузку. Запомнилось немногое: вдребезги разбитый вокзал, неширокая лента реки где-то далеко внизу, узкая улица, вздымающаяся высоко в гору, великолепный даже в своей порушенности златоглавый православный храм на холме, опоясывающая город крепостная стена, сложенная из бурого кирпича... Израненная, местами выщербленная, грозная.

Когда лейтенант дал команду: «По машинам!», Шменкель отметил про себя, что садиться в кузова было приказано в касках, словно ехать им предстояло по фронтовой дороге, а не по городской улице...

После долгого подъема грузовики остановились на большой площади со сквером. Справа высилось многоэтажное здание, похожее на гостиницу. Из окна пятого этажа свисал нацистский флаг. Это и была лучшая в городе гостиница «Смоленск», теперь в ней располагались различные штабы. Слева на площадь выходил угол крепостной стены. Вдоль нее тянулась забросанная землей траншея. На другой день Шменкель узнал от солдат-старожилов, что в этой траншее погребены расстрелянные жители и военнопленные. Еще несколько тысяч расстреляли неподалеку, во дворе бывшего Дома Красной Армии.

Над площадью разнесся звук сирены. Солдаты, разгружавшие машины, почтительно расступились и вытянулись. Через площадь, не снижая скорости, промчался штабной автомобиль с изогнувшейся против хода, словно удилище, антенной радиостанции. За толстым стеклом мелькнуло словно вырезанное из темного дерева властное и мрачное лицо. Шменкель успел разглядеть витого золота генеральские погоны на шинели, высокую фуражку.

— Клюге, фельдмаршал Клюге,— по толпе солдат пробежал ветерок волнения.

Фриц с любопытством смотрел вслед быстро удаляющемуся штабному автомобилю. Вот, значит, какой он, генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге, командующий 4-й армией, входящей в группу армий «Центр».

Шменкелю показалось, что лицо фельдмаршала было хмурым и озабоченным. И точно, у Клюге не имелось никаких оснований чувствовать себя победителем в захваченном городе.

Геббельс мог кричать на каждом углу все что ему угодно. Но он, генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге, отлично понимал, что русская кампания развивается, несмотря на значительные успехи, совсем не так, как рассчитывали верховное командование и фюрер. Русские, отступая, предпринимали яростные контратаки. Кто бы мог предполагать заранее, что они окажут такое отчаянное сопротивление?

Попытка фашистских войск с ходу прорваться к Москве закончилась неудачей. Более того, в результате ударов Красной Армии группа армий «Центр» вынуждена была временно прекратить наступление и перейти к обороне. Что касается советских воинов, оказавшихся в окружении, то лишь под Вязьмой, героически сопротивляясь, они сковали 28 вражеских дивизий. Многие защитники Родины погибли в жестоких боях, многие прорвались к своим. Обессиленные и раненые оказались в плену. А были и такие, что остались в живых, но не прорвались к своим и не попали в плен: только на Смоленщине они образовали десятки партизанских отрядов...

Наступление немецко-фашистских войск на Москву, начавшееся 30 сентября — 2 октября, развивалось почти точно по плану, и это дало повод Геббельсу хвастливо заявить, что Красная Армия фактически уничтожена и война на Востоке выиграна.

Положение Красной Армии и впрямь было трудным. На северо-западе, западе и юго-западе, от Калинина до Тулы, гитлеровские войска наступали сплошной лавиной. Стрелы на штабных картах, заостряясь, устремлялись с трех направлений в одну цель — Москву, и вот уже разведывательные подразделения танковых войск захватывают Клин, выходят к каналу Москва — Волга. Фашистские офицеры в полевые бинокли разгляды-

вают купола соборов и башни Московского Кремля. Но на этом закончились успехи фашистской армии в 1941 году. Мобилизовав все силы и волю, советский народ сумел сконцентрировать людские и материальные ресурсы для того, чтобы обрушить на врага, уже значительно ослабленного предыдущими месяцами упорного сопротивления, первый настоящий удар.

5—6 декабря советские войска перешли в мощное контрнаступление, которое в прах развеяло миф о непобедимости германской армии.

На заснеженных полях Подмосковья остались десятки тысяч фашистских солдат... Ефрейтора Фрица Шменкеля среди них не было. Не значился он и в списках пленных, захваченных наступающей Красной Армией. Ефрейтор артиллерийского дивизиона одной из пехотных дивизий группы армий «Центр» Фриц Шменкель бесследно исчез, растворился в русских лесах и просторах полей. Однако обстоятельства его исчезновения мешали командованию проставить против его фамилии обычную на войне пометку «пропал без вести». Поэтому его фамилия, вычеркнутая из списков личного состава дивизии, оказалась в другом списке, списке лиц, разыскиваемых всеми карательными органами фашистской Германии — от фельджандармерии и уголовной полиции до службы безопасности. Потом она попадает в толстую книгу в плотном сером переплете. На обложке изображение имперского орла со свастикой и надпись: «Конфиденциально. Немецкая розыскная книга». В книге тысячи фамилий лиц, подлежащих розыску и аресту для немедленного предания суду за совершенные ими преступления против фюрера и рейха. В «Немецкой розыскной книге» за 1942 год будет числиться на соответствующую букву: «Шменкель Фриц. 14.2.1916. Варзов. Разыскивается имперской криминалполицией».

...Это произошло не ранее 25 ноября 1941 года, так как этим числом датировано последнее из четырех писем, присланных им Эрне из России. И не позднее 5—6 декабря, когда началось наступление русских. Именно в один из этих дней ефрейтор Фриц Шменкель покинул свою войсковую часть, как полагали вначале, дезертировал, как выяснилось позднее, «перешел на сторону противника».

Достоверность первой даты очевидна, крайний срок — 6 декабря — устанавливается по тому факту, что Шменкель, как явствовало из его рассказа партизанам, ушел со своей батареи, когда на фронте было затишье. Об этом же временном затишье в момент ухода ее мужа сообщит впоследствии Эрне Шменкель один из прямых начальников Шменкеля. Точной даты, видимо, установить не удастся. Но главное, ефрейтор Шменкель не отстал от своих, не заблудился в калининских и смоленских лесах, не дезертировал из части с целью спасти свою жизнь: он сознательно порвал со службой в вермахте, чтобы принять участие в вооруженной борьбе с гитлеровским фашизмом.

Полтора месяца пребывания на Восточном фронте были самыми трудными в его короткой жизни. Сухое и теплое бабье лето сменилось ужасающей распутицей. Шли непрерывные обложные дожди, дороги превратились в сплошное вязкое месиво, в котором безнадежно застревали не только грузовики и лошади, но порой даже танки. Солдаты промокали до нитки, а в редких русских деревнях, наполовину сожженных, высушить одежду как следует не удавалось.

Походные кухни отставали где-то далеко в третьем эшелоне, и промокшие, усталые, злые до чертиков солдаты по нескольку суток вынуждены были обходиться без горячей пищи. На биваках солдаты вели себя как настоящие мародеры: устраивали охоту за поросятами, курами, и горе местным жителям, пытавшимся спасти свою живность от этого нашествия. Их избивали, нередко гремели и выстрелы... И грабили. Грабили все, что попадало под руку. С ужасом смотрел Фриц, как его товарищи, в обращении между собой обычные вроде бы ребята, превращались в мародеров и грабителей.

Уже в первых числах ноября наступили холода и выпал снег. Сначала этому все обрадовались — наконец-то придет конец кошмарной распутице. Но потом температура опустилась до 15, 20, 25 градусов. А однажды ефрейтор Гюнше с ужасом сообщил, что термометр показывает 32 градуса ниже нуля! Это был какой-то кошмар. Тонкие пилотки с суконными наушниками, легкие шинели не могли защитить от мороза. Солдаты натягивали на себя все вещи, какие только были в ранцах, не стеснялись кутаться в женские платки, в сапоги набивали газеты. Ничто не спасало от холода. Но подлинной причи-

ной разгрома гитлеровских войск была все нарастающая мощь Красной Армии. Сколько западных историков будут впоследствии утверждать, что Красную Армию зимой сорок первого спасли от полного поражения сначала «генерал Распутица», а затем «генерал Мороз». Так они стремились обойти основные причины поражения нацистских армий: героическая борьба советского народа, его несокрушимая решимость отстоять независимость своей социалистической Родины.

Служба в 276-м отдельном артдивизионе временно ограждала Шменкеля от непосредственного участия в боях. Русские в районе действия его дивизии наступательных операций пока не вели. И Фриц лихорадочно обдумывал, как совершить то, к чему он давно был готов.

Унтер-офицер Фогель однажды затащил Фрица в избу, где стоял со своим расчетом, угостил рюмкой водки и домашней снедью — он недавно получил посылку. Фогель был из Штеттина и потому считал Фрица своим земляком, отчего иногда откровенничал с ним. Фогелю перевалило за тридцать, в Германии у него остались двое детей и старики-родители. Парад на Красной площади его не волновал, он мечтал об одном: чтобы война поскорее закончилась и он вернулся в Штеттин, где работал на верфи «Одерверке».

— Я тебе так скажу,— шепотом говорил он Шменкелю,— мы слишком зарвались. Русским есть куда отступать, у них за спиной еще десять тысяч километров, Урал и Сибирь... Мой старик в ту войну был у них в плену. Он мне не раз говорил, что с ними лучше не связываться...

— Нас с тобой не спросили,— уклончиво отвечал Фриц.

— Вот то-то и оно. Не верю я, что к рождеству мы сломаем хребет русскому медведю. А может, они нас нарочно заманивают, как Наполеона?

Шменкель пожал плечами.

— Ты только послушай,— снова зашептал Фогель.— Я на фронте с самого начала. То, что у них фанерные танки, это брехня. Те танки, что мы видели, они, точно, старые. Но ребята рассказывали, что у русских появились новые танки, «Т-34». Ни наши тридцатисемимиллиметровые пукалки, ни пятидесятки их не берут, снаряды отскакивают от брони, что горох от стенки...

Фогель залпом осушил свою стопку, сморщившись, крякнул и закусил.

— Так что же делать? — спросил его Фриц.

Фогель безнадежно махнул рукой.

— А ничего... Кто мы такие, чтобы учить генералов? Приказ есть приказ, наше дело выполнять.

Поблагодарив за угощение, Фриц ушел. Хороший парень этот Фогель, честный, но и для него приказ — все. Зря только болтает много, добром это для него не кончится. У тайной полиции осведомители в каждой батарее, в каждом огневом взводе.

Вечер Фриц посвятил занятию, крайне теперь для него важному, тем более что оно не могло вызвать ни у кого ни малейшего подозрения: штудировал немецко-русский военный разговорник. Знал бы лейтенант Кюхлер, с какой целью ефрейтор Шменкель зубрит трудные русские слова и фразы!

Ночью он снова и снова перебирал все возможные варианты перехода к русским и с горечью должен был признать, что ни один из них не годился. До передовой ему не дойти — перехватят. Первый же офицер-пехотинец остановит и спросит, что здесь делает неизвестный ефрейтор с красными артиллерийскими кантами на погонах. Да и свои спохватятся, стоит только исчезнуть на час. Солдаты в расчете, что бобы в стручке, неразлучны ни днем, ни ночью.

Час... Один только час... Шестьдесят минут... К красноармейцам за это время не уйдешь, но от своих уйти можно, только не к фронту, а в противоположную сторону, в лес. Туда никто за ним не сунется. Да и кому придет в голову искать его в чащобе зимнего русского леса? А в лесу — партизаны. Те самые, о которых с нервной дрожью говорят даже самые закаленные ветераны. Они вездесущи. Они неуловимы. Они нападают, когда их никто не ждет, и так же внезапно исчезают. А почему бы не попробовать уйти к ним?!

В жестокость русских партизан Фриц не верил, хотя и не считал их разносчиками рождественских подарков. Они защищают свою землю, и естественно, что солдат-захватчик с автоматом в руках для них смертельный враг, которого следует уничтожить. Но у него не будет автомата в руках! Он придет к ним без оружия, с чистым сердцем. Неужели они не знают, что не все немцы — фашисты?

Отличная идея, хотя, конечно, и рискованная! В округе много лесных деревенек, мужчин в них почти нет, одни старики, дети да женщины. У партизан глаза и уши в каждой такой деревушке, стоит только туда добраться, а там уже партизаны сами тебя найдут. Главное, при нем не должно быть никакого оружия, тогда поверят. Разве что штык-тесак. Иначе нельзя, без ножа в лесу пропадешь.

Фриц дождался очередного прихода полевой почты. Писем для него не было. Жаль, конечно. Зато сам написал — последнее из четырех писем, отосланных домой с Восточного фронта. Написал обычное фронтовое письмо, чтобы, случись что, ни военный цензор, ни кто-либо другой не нашел в них, его последних строках домой, ничего похожего на преступный замысел. Ничего... Иначе не сдобровать Эрне и детям. Поздравил Урсулу с днем рождения. Четыре года его старшей дочурке, помнит ли отца? Когда-то он теперь увидит их... И увидит ли? Еще вложил в конверт последнюю купюру в 10 марок на подарок. (Эрна получит это письмо, дойдут и деньги. Она купит на них дочке синее бумазейное платье...)

Ранец брать нельзя. Это сразу выдаст его. Распихал по карманам трубку, табак, сигареты, зажигалку, спички, припасенные заранее кусок сала, сухари, сахар. Два индивидуальных пакета. Все, что было теплого, уже давно на нем, это как раз подозрения не вызовет, на дворе — около тридцати, но зато в такой мороз его, когда спохватятся, долго искать не будут.

...Это произошло между 25 ноября и 6 декабря 1941 года. Ефрейтор артиллерийского дивизиона одной из пехотных дивизий группы армий «Центр» Фриц Вернер Ганс Шменкель покинул свою часть.

В смоленских лесах

Сколько дней провел Фриц Шменкель в скитаниях по лесу, он точно сказать не мог, все они в его памяти слились в один бесконечно долгий сумрачный и морозный день, в котором не было ни утренней зари, ни захода. Выросший на природе, Фриц все же растерялся, оказавшись один на один с этим нескончаемым и таким враждебным к чужаку бором. У него не было карты, но он знал приблизительное расположение линии фронта и

понимал, что должен как можно быстрее удалиться от нее в тыл, если не хочет быть схваченным в прифронтовой зоне патрулями фельджандармерии. Мысленно выстроил для себя маршрут следования: он проходил по воображаемой линии Белый — Смоленск.

Так и шел, кое-где ориентируясь по скупому солнцу, едва пробивавшемуся сквозь низкую облачность и густую чащобу. Еды, что у него была, вполне могло хватить на несколько дней. Гораздо больше его страшил мороз. Обмундирование солдата вермахта, как в том убедился Шменкель, не годилось для русской зимы. Шинель была слишком жидкой, пилотка при температуре ниже нуля вообще являла какое-то недоразумение. Сапоги были крепкими и хорошими, но даже с теплыми носками сохраняли тепло лишь при быстрой ходьбе. Стоило остановиться для отдыха, как ноги начинали быстро зябнуть. Когда пальцы коченели, Фриц делал энергичную пробежку, пока в ступнях не начинало покалывать.

Изредка он раскладывал костер-невидимку, чтобы вскипятить котелок воды для чая и согреться самому. Тесаком выкапывал в промерзшей земле ямку, разводил в ней огонь, а сверху ставил несколько палочек шалашиком, конец палочки, выходящий из края ямки, надламывал так, чтобы он лежал на земле. Дым стлался по ней и растворялся в воздухе, огня и вовсе не было видно.

Однажды Фрицу повезло — в лесу он натолкнулся на брошенную деревеньку в пять дворов. Люди из нее или ушли или погибли. Это была первая ночь, которую Фриц провел под кровом. Затопить русскую печь по-настоящему он не реши ся и довольствовался тем, что развел костер в ее необъятной утробе и сварил на нем мерзлой картошки, которую нашел в сенях. Картошка имела неприятный сладковатый привкус, но никогда в жизни Шменкель не ел с таким наслаждением, как в этой пустой и холодной русской избе.

Несколько раз Фриц наталкивался на следы недавних биваков, оставленных либо русскими партизанами, либо окруженцами, пробивавшимися к линии фронта. Разыскивать их, однако, он не пытался — встреча с ними в лесу ничего хорошего ему не сулила. Фриц прекрасно понимал, что благоприятный контакт с партизанами для него возможен только при посредничестве местных жителей.

По пути ему пришлось пересечь несколько дорог и одно шоссе. Тут он соблюдал максимум предосторожностей — по дорогам почти непрерывно следовали войска на грузовиках и подводах, шли обозы с продовольствием и сеном для лошадей.

К исходу не то третьих, не то четвертых суток своих блужданий Фриц по достаточно прочному уже льду пересек неширокую речку — это была Вопь, приток Днепра. Потом он вышел к развилке двух дорог и на указателе прочитал название ближайшего населенного пункта: «Ярцево». Шменкель помнил, что Ярцево — это довольно большой город километрах в шестидесяти от Смоленска. Идти дальше в эту сторону было опасно, и он решил разыскать поблизости неразоренную деревню, чтобы попытаться, наконец, установить контакт с русскими.

Между тем силы Шменкеля подходили к концу. Еды больше не было. Еще одна ночь, проведенная на снегу, могла стать последней.

...Околица этой деревни почти вплотную подходила к лесу. И он наконец решился сделать первый шаг к первой встрече, которой так жаждал и так опасался.

Когда стемнело, двинулся ко второму от леса дому.

Из воспоминаний бывшей партизанки Ольги Михайловны Кондрученковой (в девичестве Сидоровой), записанных автором 26 июля 1978 года в пионерлагере «Партизан» Ярцевского района Смоленской области.

«Когда началась война и Ярцевский район был оккупирован фашистами, наша семья Сидоровых жила в селе Курганово. В селе было три улицы, мы жили на самой ближней к лесу. Семья состояла из шести человек: отца Михаила Яковлевича (он до войны работал председателем Харьковского сельсовета), матери Юлии Ефремовны и четверых детей: мне было шестнадцать, Евгении четырнадцать, Вере двенадцать и брату Саше восемь лет. Зима в сорок первом году была очень холодной, уже в конце ноября мороз доходил до 38 градусов.

Когда это точно случилось, не помню, то ли в конце ноября, то ли в начале декабря. К нам пришел немец. Он был страшно замерзший. На нем была шинель без

погон, пилотка с суконными наушниками. Руки были пустые, без оружия. Только у пояса штык-тесак.

Изба у нас была довольно большая, но без перегородок, с русской печью. Печь в тот день не топили, пользовались железной «буржуйкой». Солдат стал раздеваться, очень медленно раздевался, видно было, что пальцы плохо слушаются, долго отогревал руки, ничего не говорил, мы тоже молчали, ничего понять не могли, кто он, откуда взялся, что ему нужно.

Потом немец показал рукой на кровать и сказал, что хочет спать, вернее, объяснил жестами, потому что я поняла только одно слово — «шляффен» — спать.

Когда он разделся, мы его как следует разглядели. Был он среднего роста, худощавый, светлоглазый, совсем молодой. Страха никакого он у нас почему-то не вызывал, хотя, конечно, чувствовали мы себя неспокойно.

Надо сказать, что младший брат Саша был ранен, он с ребятами нашел где-то гранату, баловался с нею и подорвался. Он лежал на печи забинтованный. Немец услышал, что Саша постанывает, и спрашивает:

— Зольдат?

Я объясняю, что нет, ребенок.

Тогда он спрашивает:

— Киндер-партизан?

Опять молчим, что к чему — понять не можем.

На «буржуйке» у нас тушилась конина в чугунке. Я предложила ему поесть. Когда он понял, что конина, то отказался. Позже, правда, уже в отряде, он все ел, и конину, и рожь распаренную.

Тогда отец стал с этим странным немцем объясняться. Спросил:

— Фронт?

Немец ответил:

— Никс фронт.

Отец высыпал на стол спички из коробка, выложил линию фронта, как он полагал ее, конечно. Вот так и объяснялись. Немец несколько раз повторил слово «Белый», так мы поняли, что он шел от города Белый, тогда он входил в Смоленскую область, а не в Калининскую, как сейчас. Еще запомнила, что он все время озирался, вроде боялся чего-то. Ничего нахального, как у других фашистов, которых мы видели, в нем не было.

К ночи в тот же день к нам в село приехали немцы, стали расквартировываться, но на нашу улицу, крайнюю к лесу, они не пошли, видимо, боялись, что из лесу могут напасть партизаны. Наш немец разволновался, схватил шинель, стал показывать жестами, чтобы мы его спрятали. Так как к нам на постой никто не явился, мы его оставили у себя.

Утром немец несколько раз сказал слово «партизаны». Тут уж мы стали понимать, что он сбежал из армии и хочет встретиться с партизанами. Чудно показалось: немец, а к партизанам хочет. К этому времени у нас в округе уже существовало подполье, с партизанами был связан и мой отец. Мне приходилось ходить на связь и с отрядом «Смерть фашизму», и с отрядом имени Щорса. В деревне было четверо своих полицейских, тоже связанных с партизанами.

Мы уже поняли, что немец дезертир, в Курганове ему оставаться было опасно. Решили на день отвести немца на мельницу, километрах в четырех от села. Отец оставил там немца на весь день, но потом решил, что на мельнице ему оставаться опасно. В общем к ночи мы немца забрали снова к себе.

Курганово деревня довольно небольшая, тут укрыться трудно. Тогда отец пошел договариваться за два километра на хутор Паделище к старику Поручикову. Вот наш пионерлагерь «Партизан», где мы с вами разговариваем, как раз и стоит на том месте, где был хутор. Тут пойма Вопи, раньше поля были. До Ярцева отсюда десять километров.

Жил старик Поручиков Сергей Михайлович на хуторе единоличником. Но, видать, отец в нем был уверен, что не предаст. Пошел к нему и сказал, что нужно спрятать человека так, чтобы о нем никто ничего не знал. Поручиков согласился. В тот же день мы отвели немца в Паделище».

Михаил Яковлевич Сидоров был прав, когда, поняв свою ошибку, быстро переправил Фрица Шменкеля к Поручиковым. Уже на другой день на мельницу нагрянули гитлеровцы. Дезертира вермахта они, понятное дело, здесь уже не застали. Зато застали тех, кого так упорно искал Фриц Шменкель,— группу партизан. Партизаны не ждали фашистов, но были начеку. Быстро сориентировались и в короткой схватке ликвидировали незваных гостей.

Примерно две недели провел Шменкель на хуторе Поручикова. Ворчливый старик в тяжкую для родной земли годину проявил себя настоящим патриотом. Рискуя жизнью своей и детей, и беженцев из Смоленска, он прятал у себя и окруженцев, и партизанских связных. Надежно укрыл и дезертира вермахта. Укрыть-то укрыл, но приглядывался к нему, примечал каждое слово, всякий жест. Понимал, что, окажись этот дезертир на самом деле гестаповским провокатором,— большая беда будет. И ничто не спасет от лютой смерти ни его, ни детей, ни соседей Сидоровых. Закрадывалась иногда и черная мысль, не лучше ли, подальше от греха, ликвидировать опасного пришельца, пока не проник тот в отряд. Никто не мог бы упрекнуть его в поспешности или пустой подозрительности.

Но каждый раз удерживало Поручикова (а впоследствии, в первые дни пребывания Фрица в отряде, и некоторых партизан) от такого шага сознание обезоруживающего доверия немецкого перебежчика к советским людям. В самом деле, солдат, сдавшийся в плен добровольно или плененный бойцами Красной Армии, оказывался в полной безопасности до самого конца войны. Правда, лагерь не курорт, но жили там вчерашние завоеватели в условиях вполне приличных. Партизаны — совсем другое дело. У них не было и быть не могло лагерей военнопленных. В исключительных случаях пленных, представлявших особую ценность для командования в силу высокого звания или хорошо информированных, партизаны переправляли, всегда с большим риском, через линию фронта.

Ефрейтор Шменкель, понятно, был всего-навсего ефрейтором, к тому же покинувшим свою часть уже давно и не располагавшим, следовательно, никакой ценной информацией.

Другое дело — в отряде. Тут Фриц мог бы оказаться человеком бесценным. В самом деле: он знал структуру фашистских воинских подразделений, их тактику, уставы и наставления, владел различными видами стрелкового и артиллерийского оружия. Наконец, освоив русский язык, Шменкель мог стать прекрасным военным переводчиком.

Но все это, разумеется, при одном-единственном, но весьма существенном условии: если ефрейтор Фриц Шменкель был действительно настоящим перебежчи-

ком-антифашистом, а не вражеским лазутчиком, получившим задание проникнуть в ряды партизан и добиться их доверия. В отряде «Смерть фашизму», действовавшем в округе, это понимали очень хорошо, а потому и не спешили с выводами, когда узнали о загадочном немце.

Старик Поручиков внимательно вглядывался в серо-голубые глаза Фрица, пытаясь распознать в их прозрачной глубине фальшь и скрытое коварство, прислушивался к дыханию во сне — не обмолвится ли, следил за жестами — не прорвутся ли у рабочего человека замашки и манеры выходца из иной среды... И не мог обнаружить, приметить ничего подозрительного, наигранного, неискреннего. Так и доложил Михаилу Сидорову, а тот в свою очередь передал обо всем, что касалось странного немца, партизанам.

К началу сорок второго года партизанское движение на Смоленщине уже набрало силу, хотя развертывалось и крепло оно в условиях исключительно сложных и неблагоприятных. Здесь были сосредоточены крупные силы группы армий «Центр».

Гитлеровцы установили в области жестокий террор. Карательные организации и части вермахта творили чудовищные злодеяния. Мирных жителей и пленных расстреливали, вешали, сжигали заживо, морили голодом и умерщвляли в лагерях смерти. За время оккупации фашисты убили на этой, пропитанной кровью невинных земле сотни тысяч безоружных советских людей...

И тем не менее оккупанты не сломили волю советских людей к сопротивлению, и смоленская земля с первых дней оккупации стала полем сражения с захватчиками. Не один смолянин в эту лихую годину вспомнил обращенные к его пращурам слова фельдмаршала князя Смоленского Михаила Илларионовича Кутузова: «В самых лютейших бедствиях своих показываете вы непоколебимость своего духа... Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущество, наложить на вас тяжкие оковы, но не мог и не возможет победить и покорить сердец ваших. Таковы россияне».

Организатором и руководителем всенародной борьбы в Великой Отечественной войне стала Коммунистическая партия. Подготовка к войне в тылу врага началась еще до оккупации: назначены были руководители будущих партийных центров, партизанских отрядов, под-

полья, закладывались тайные склады оружия и продовольственные базы. Для партизанской работы на Смоленщине было оставлено свыше трех тысяч коммунистов, еще около пяти тысяч оказались на оккупированной территории в силу различных обстоятельств. Большинство из них также стали партизанами и подпольщиками.

Кроме таких партизанских отрядов стихийно создавались и другие: их образовывали, повинуясь патриотическому долгу, местные жители, бойцы и командиры Красной Армии, оказавшиеся в окружении или бежавшие из фашистского плена.

К тому времени, когда ефрейтор Фриц Шменкель порвал со службой в вермахте, на Смоленской земле уже били захватчиков многие тысячи бойцов, объединенных более чем в сто отрядов. Через несколько недель число партизан в области удвоится.

Немалый же урон наносили партизаны врагу, если уже осенью сорок первого года командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок издал приказ, в котором вынужден был признать: «...возобновление порядка в России... саботируется преступной деятельностью, направленной против германских войск».

Гитлеровский фельдмаршал не только констатировал факты, но и грозил населению страшными карами:

«1. Кто укроет у себя красноармейца или партизана, или снабдит его продуктами, или чем-либо ему поможет (сообщив ему, например, какие-нибудь сведения), тот карается смертной казнью через повешение.

2. В случае если будет произведено нападение, взрыв или иное повреждение каких-нибудь сооружений германских войск, как-то: полотна железной дороги, проводов и т. д., то виновные... будут в назидание другим повешены на месте преступления. В случае же если виновных не удастся немедленно обнаружить, то из населения будут взяты заложники. Заложников этих повесят, если в течение 24 часов не удастся захватить виновных, заподозренных в совершении злодеяния, или соумышленников виновных.

Если преступное деяние повторится на том же месте или вблизи его, то будет взято — и, при вышеприведенном условии, повешено — двойное число заложников».

Но даже эти драконовские меры не могли запугать советских патриотов, запугать их, сломить волю к борьбе, превратить в безропотных рабов «нового порядка».

Немало партизанских отрядов действовало и в округе города Ярцево. С некоторыми из них были связаны семьи Сидоровых и Поручиковых, в том числе с партизанским отрядом «Смерть фашизму». Начал свой боевой путь отряд в декабре 1941 года в Бельском районе Смоленской области. Ядром его стали семь красноармейцев-окруженцев, которых возглавил сержант Иван Константинович Просандеев. Вокруг этого ядра он быстро сколотил настоящий отряд — 36 бойцов — отчаянных, смелых ребят, не выпускавших оружия из рук с 22 июня, из тех, что приняли на себя первый удар, испытали бомбардировки, танковые прорывы и «клещи» начальных недель войны.

Эти люди познали ад на земле. Они теряли боевых друзей. Видели горящие русские хаты. Проходили мимо раскачивающихся на ветру тел повешенных крестьян. Слышали — вовек не забыть этого крика! — как кричат дети возле заколотых штыками матерей.

Всякие люди прибивались к отряду: молодые и пожилые, здоровые и не оправившиеся от плохо леченных ран, горожане и деревенские, с вузовскими дипломами и с четырьмя классами сельской школы, степенные отцы семейств и неженатые ребята весеннего призыва.

Пройдут считанные месяцы, и партизанское движение достигнет громадного размаха, примет определенную, строгую и достаточно гибкую структуру. В отряды придут и четкая воинская дисциплина, и новые традиции, и налаженная связь с центром, и тесное взаимодействие с командованием Красной Армии. Но это произойдет позднее, на следующем этапе. А на этом, начальном, пока еще очень многое будет зависеть от таких вот волевых, инициативных, авторитетных вожаков, способных в трудной обстановке сплотить вокруг себя, подчинить своему влиянию самых разных людей. Таким был Иван Просандеев и тысячи других первых партизанских командиров, вынесших на своих плечах всю тяжесть периода формирования отдельных партизанских отрядов.

На долю не каждого из них выпала легендарная слава Сидора Ковпака, Александра Сабурова, Алексея Фе-

дорова, Дмитрия Медведева, но они с честью и до конца выполнили свой долг.

К началу 1942 года отряд Просандеева вырос вдвое и был основательно по тому времени вооружен. Позже появились минометы и даже противотанковая пушка. Отряд сменил место боевых действий — из Бельского района перебрался в Ярцевский, где находились деревня Курганово и хутор Паделище с его обитателями. Оружие в основном было трофейного происхождения, не все бойцы, правда, умели обращаться с ним, использовать полностью его тактико-технические данные, совсем неважно обстояло дело с ремонтом. Рачительный и деловитый командир понял, что такой человек, как беглый немецкий артиллерист, для отряда сущая находка. Информация, поступившая от Сидоровых и Поручикова, располагала в его пользу. Имелись сведения, что оккупанты ищут по окрестным деревням дезертира. Просандеев посоветовался с комиссаром отряда Сергеем Тихомировым, командирами подразделений, собрал всех партизан. К единому мнению не пришли...

Февраль — кривые дороги, так говорят на Руси о суровом, ветреном и снежном последнем месяце зимы. Морозы вроде бы и не такие жестокие, как в декабре и январе, но пронизывающие, порывистые ветры, метели делали февраль самым трудным месяцем для тех, кто уже полгода жил в лесу, в землянках.

Но он же, этот бесконечный февральский ветер, партизану лучший друг и надежный союзник. Он удержит, особенно в ночную темень или в мороз, подальше от угрюмого русского леса фашиста-карателя, заметет на съезде с проселка колею партизанских саней, на «железке» — следы работы минера.

...В студеный и ветреный февральский вечер явились на хутор Паделище трое в перепоясанных ремнями полушубках, добротных шапках и валенках. Двое — с немецкими карабинами, третий — с немецким автоматом. Поздоровались с хозяевами, цепко оглядели избу и первым делом — к жарко натопленной печи.

Отогревшись, старший сказал весомо, со значением:

— Из отряда мы, от Ивана Константиновича...

— Своим всегда рады,— ответил просто и с достоинством Сергей Михайлович.— Чем помочь, ребята?

Старший покачал головой.

— Сегодня мы не за помощью, Михалыч. Командир велел немца вашего в отряд взять, отвести то есть.

У старика Поручикова на душе что-то екнуло. Видно, привык он к своему гостю, незаметно привязался. Сергей Михайлович поднял крышку подпола, где укрывал Шменкеля, когда на хуторе появлялись неизвестные люди, и негромко позвал:

— Фриц, ком!

Щурясь на свету, Фриц выбрался наверх. Увидев вооруженных людей, инстинктивно попятился, с тревогой взглянул на старика Поручикова. Тот успокаивающе помахал ладонью:

— Полицай найн. Партизанен. Ферштейн?

— Партизанен гут, гут!

Ткнул себя пальцем в грудь, с трудом подбирая русские слова, медленно выговорил:

— Партизанен гут! Гитлер фашист, Фриц Шменкель антифашист!

Трое смотрели на него молча, скорее неприязненно, нежели с симпатией. Старший наконец сказал:

— С нами пойдешь, а там видно будет, какой ты есть антифашист.

Шменкель ничего не понял, кроме последнего слова, и поспешил повторить его:

— Антифашист! Есть антифашист!

— Одевайся! — приказал старший и сделал выразительный жест, словно накинул на плечи одежду.

Шменкель понял, живо нырнул обратно в подпол, вылез с шинелью и пилоткой. Отстегнул и положил на стол торопливо единственное свое оружие — штык, вывернул все из карманов, чтобы показать — нет у него больше ничего. Штык-тесак старший забрал на всякий случай, остальное разрешил взять.

Шменкель повернулся к старику Поручикову, заговорил горячо и взволнованно. Сергей Михайлович в длинной этой тираде разобрал единственное слово «данке», из которого, да, впрочем, и всей интонации, понял, что Шменкель благодарит его за кров и хлеб.

— Ладно, чего уж там,— махнул рукой старик Поручиков.— Ступай с богом. Иди и докажи людям, что ты тоже есть человек!

Хлопнув дверью, ушли четверо в темень и февральскую вьюгу. А старик Поручиков еще долго сидел у стола, опершись на локоть, и думал о чем-то своем. Не

скоро очнувшись от раздумий, заметил на столе знакомую короткую трубку и резиновый солдатский кисет с табаком-самосадом собственной резки. Видно, волновался-таки перед уходом в отряд Фриц Шменкель, коль забыл второпях самый важный для солдата после оружия предмет...

Признали...

Был допрос, и с пристрастием. Необычный — кроме командира и комиссара в нем участвовали и многие бойцы, из самых уважаемых и авторитетных. Оно и понятно, речь шла не о том, чтобы допросить пленного солдата с целью получения от него военных сведений. Предстояло решить неслыханное: достоин ли этот, пока еще никому не ведомый человек в ненавистном мундире солдата фашистской армии стать их боевым товарищем, советским партизаном. Такого еще не бывало.

Допрашивали придирчиво, нетерпеливо, перебивая друг друга. От Шменкеля требовали объяснить, почему Гитлер нарушил пакт о ненападении и вероломно напал на СССР. Как случилось, что германские рабочие не подняли 22 июня вооруженного восстания против фашистов, и где находится Тельман, по какой причине сам он, Шменкель, будучи на фронте, не сдался в плен?

— Руки покажи! Командир, пусть ладони предъявит, есть у него мозоли, проверь! — закричал кто-то.

Просандеев покачал головой, сказал с горечью:

— Брось, Петро, не в мозолях дело. Эти самые мозоли ему не мандат.

— Правильно,— поддержал командира Тихомиров.— Пусть лучше подробно расскажет о себе. Почему дезертировал, почему партизан искал.

Фриц не понимал всего, что выкрикивали эти возбужденные люди, но о смысле происходящего, разумеется, догадывался. Он тоже волновался и не знал, как лучше объяснить им, что он специально добивался не одну неделю отправки на Восточный фронт, таясь от всех, выискивал момент для побега, скитался в одиночку по этим невероятным лесам, где смертельная опасность подстерегала на каждом шагу. Все преодолеть, найти их, этих людей, к которым он стремился душой и

сердцем,— и все это только для того, чтобы с ним поступили как с подлым и коварным врагом?

Фриц Шменкель никогда не был оратором, да и что толку в самом высоком ораторском искусстве, если слушатели знают по-немецки лишь «хальт!» да «хенде хох!»?

Присутствовал, правда, переводчик. Какой там переводчик, грех один — молоденький красноармеец, должно быть, лишь прошлой весной призван на действительную. Его немецкий состоял из школьных воспоминаний, да ходовых фраз из трофейного военного разговорника. К тому же паренек отчаянно нервничал. Счастье Шменкеля, что его ответы партизаны тогда не могли проверить по другим источникам, а то быть бы беде, ибо ошибки перевода вполне можно было принять за сознательное введение в заблуждение. Так, переводчик, плохо знавший немецкую военную терминологию, слова «дивизион» и «дивизия» просто спутал. Таким же образом Фриц из сельскохозяйственного рабочего и каменщика превратился в металлиста. Хорошо еще, что Шменкель и в самом деле умел слесарить, а как артиллерист прекрасно обходился с оружием, иначе бы ему не сдобровать.

Напутал переводчик и в некоторых других деталях и обстоятельствах биографии пленного ефрейтора. Но в основном, самом главном, парнишка перевел исповедь Шменкеля правильно. Все как есть. И про отца, рабочего-коммуниста, убитого фашистами, и про то, что сам он сидел в тюрьме как антифашист, что пришел к партизанам добровольно, потому что хочет лично сражаться с нацистами, с оружием в руках.

Просандеев еще одно отметил: гитлеровцы под Москвой, хоть и отогнали их от столицы, а все же не так уж и далеко, а этот Шменкель говорит о победе СССР с такой убежденностью, что куда там!

Командир обвел бойцов взглядом. Еще кричал кто-то, что у него фашисты убили в Бобруйске всю семью, что никому из немцев доверять нельзя, кто-то просто осуждающе молчал... Но командирским своим чутьем уловил Иван Константинович: что-то в настроении людей, в их отношении к этому светлоглазому немцу произошло. Никто уже не рвался самолично поставить его к стенке (поначалу и такое предлагалось). А некоторым Фриц даже нравится. В том числе ему самому. Надо

было видеть этого ефрейтора, когда, вытянувшись, словно шомпол проглотил, он медленно, чтобы переводчик все успел разобрать, белыми сухими губами выговаривал:

— Я не хочу ссылаться на тех, кого Гитлер убил, я-то жив. Но отец мой мертв, и он никогда не простил бы мне, если бы я примирился с его смертью, забыл, чему он меня учил... Поэтому я пришел к вам...

Партизаны слушали Фрица, стиснув зубы, сжав винтовки в ладонях, не сводили с него тяжелых, всевидящих глаз. А он продолжал:

— Зачем мне плен? Я солдат и умею обращаться с оружием. Я антифашист и должен воевать, как вы, вместе с вами. У меня дети в Германии. Я не хочу ждать в плену, пока вы их освободите за меня. Это и меня касается!

Просандеев хмыкнул:

— Эк куда хватил! Немецких детей освобождать от фашистов... Тут свои, смоленские, украинские, белорусские детишки выжили бы, дождались батьков...

А вообще-то, как знать, кто-то из его отряда, глядишь, еще и дошагает до Берлина... Ну что ж, вроде разобрались для начала. Просандеев костяшками пальцев постучал по доске, служившей столом, и заявил решительно:

— Подвожу резолюцию. Бывшего ефрейтора немецкой армии Шменкеля Фрица считать сдавшимся в плен партизанам добровольно. Это раз. Положить ему испытательный срок, пусть в бою зарекомендует, себя покажет то есть. Тогда вернемся к разговору насчет считать его равноправным бойцом и товарищем. Это два. А на сегодняшний день использовать Шменкеля Фрица как военспеца по трофейному оружию. Это три. Персонально отвечать за Шменкеля Фрица будет Рыбаков Петр. Это четыре. Отвечать, стало быть, будешь за него, Петро, живого или мертвого, по всей строгости военного времени. На этом точка, и разойдись!

Бойцы стали расходиться по подразделениям. К Шменкелю подошел невысокий парень. На собрании он шумел больше всех. Фриц понял, что это и есть Петр Рыбаков, приставленный к нему для присмотра. Вблизи он выглядел вовсе не таким, каким казался со стороны, когда кричал, что никаким пленным доверия партизанского быть никак не может. Теперь, вблизи, он

был обыкновенным парнем, нацепившим на себя уйму всякого оружия и воинской амуниции.

— Шменкель,— чтобы преодолеть неловкость назвал себя Фриц.

— А то я не знаю, что ты Шменкель,— буркнул в ответ Рыбаков, но злости в его словах и светлых глазах не было. Он тяжело вздохнул и добавил: — Ну ладно, что с тобой делать. Айда...

Из командирской избы они вышли вместе, один за другим. Так, вдвоем, им, русскому Петру Рыбакову и немцу Фрицу Шменкелю, предстояло идти вместе долгие четырнадцать месяцев... Разведет их только смерть.

Отряд «Смерть фашизму» на несколько дней остановился в Курганове. Немецких гарнизонов в близлежащих селах не было, и Просандеев пользовался случаем дать людям отдых, привести в порядок оружие, обувь, одежду. Нашлось занятие и для Шменкеля. Ему поручили в самый короткий срок обучить группу бойцов пользоваться трофейным пулеметом МГ-34. На одном занятии Просандеев побывал и сам.

Посреди большого дощатого стола водрузили пулемет на коротких сошках. Вокруг на лавке и табуретах расположилось шестеро партизан. У каждого в руках — листок бумаги и карандаш. У стола — Фриц и переводчик. Впрочем, Шменкель старается обходиться без него, больше действует показом. Говорит мало, только то, что нужно записать и запомнить. Партизаны вникают в каждое его слово, стараются запомнить движения.

— Калибр,— Фриц поднимает патрон и показывает толщину пули,— семь и девяносто два миллиметра.— Он рисует эту цифру крупно на листке бумаги.— Этот патрон подходит ко всем немецким ручным пулеметам. Дальность прицельного огня — тысяча метров, один километр.— Он снова пишет цифру на листке и рисует траекторию пули.— Патроны бывают с разными пулями. Запишите и запомните. Патрон с легкой пулей имеет по капсюлю черное кольцо. С тяжелой — зеленое, с бронебойной — красное. У бронебойно-трассирующих патронов кольцо тоже красное, но сам носик у пули черный...

— Черное кольцо... Зеленое кольцо... Красное кольцо...— старательно повторяет вслед за Шменкелем по-

русски боец-переводчик и тоже записывает в замызганную школьную тетрадочку.

Между тем Фриц уже объясняет, как снаряжается магазин и заводится его пружина. Снова рисует на листочке цифры — все понятно, магазин вмещает семьдесят пять патронов.

Шменкель отводит назад до отказа рукоятку заряжения и ставит ее на место, предварительно нажав и продвинув вперед пуговку предохранителя.

— Ахтунг! — требовательно произносит Шменкель и осторожно, четко, так, чтобы все разглядели каждое его движение, вставляет магазин горловиной в приемное окно короба. Указательный палец правой руки ложится на спусковой крючок.

— Фойер! — резко выкрикивает Шменкель...

Внутри у Просандеева что-то словно оборвалось, хоть и знал: патронов в магазине, конечно, нет... Увидел, как вскочил, словно подброшенный пружиной, Петр Рыбаков... А Фриц, словно не заметив реакции слушателей, уже объяснял, как у этого окаянного МГ-34 устанавливаются сошки.

Стараясь не шуметь, Просандеев вышел из избы. М-да... Запомнится ему это занятие по матчасти. Но, между прочим, должен отметить: этого Фрица его фельдфебели выучили что надо. На свою голову.

Так началась партизанская страда теперь уже бывшего ефрейтора Фрица Шменкеля. Еще не полноправного партизана, но уже и не совсем обычного пленного. В один из этих первых дней его увидел партизан Дмитрий Кондрученков из отряда имени Щорса.

Из рассказа Дмитрия Петровича Кондрученкова, ныне рабочего пионерлагеря «Партизан».

«Я был сержантом Красной Армии, окончил школу связи. В партизанах оказался, вырвавшись из вяземского окружения. В отряде имени Щорса — с первого дня, значит, с 17 ноября сорок первого года. Здесь неподалеку была одна из наших запасных баз. Впервые я увидел Шменкеля в Курганове. Мы шли из Преселья и в Курганове сделали остановку. Нас было 64 человека, командиром — младший лейтенант Михаил Савченко. Отряд «Смерть фашизму» тогда тоже стоял в Курганове, их было человек сто.

Шменкель уже был в отряде. Он сразу сменил немецкую форму на русскую. Помогал партизанам изучать

немецкое оружие, отдавать строевые команды, это нужно было знать.

Ростом был примерно 175 сантиметров, волосы на пробор. Все на нем подогнано, сапоги начищены, оружие всегда в порядке. Сразу видно, что солдат идет, каблуками пощелкивает. Знал все оружие немецкое в совершенстве.

Физически Шменкель был крепкий, верткий, любил бороться, все ходило у него, как на пружинах. Шел, словно заяц подпрыгивал, никогда не уставал.

Еще помню, он часто говорил, что Гитлера сотрут, а фашизму капут».

Как явствует из приведенного рассказа, воспоминание о первой встрече у Дмитрия Кондрученкова невольно слилось с впечатлениями от последующих. Но одно обстоятельство — поскольку оно весьма существенно — нужно уточнить сразу. Слова Кондрученкова «оружие всегда в порядке» следует относить к более позднему времени, поскольку Шменкель на самом деле получил его не сразу. Это произошло только после участия его в первом бою на стороне советских партизан. Состоялся он в середине февраля 1942 года в селе Курганово.

Участники боя рассказывали, что фашисты подошли к деревне скрытно, на лыжах, все в белых маскхалатах. Часового Семена Шитикова скрутили, он и крикнуть не сумел. Его пост был на Пятидворке, так называлась часть села в лесу, она действительно имела всего пять дворов. Семен зашел в одну избу погреться, тут его и схватили. Все же кто-то успел поднять тревогу — дети увидели карателей и начали кричать. Партизаны сумели занять оборону, и начался бой.

Командир отряда Просандеев крикнул Рыбакову: «Смотри за Фрицем!» А Фриц — вот он, возле избы. Конечно, если бы он захотел, мог бы что-нибудь плохое сделать. Вдруг Фриц закричал: «Офицер!», выхватил у раненого партизана винтовку и выстрелил навскидку. Каратель упал. Фриц снова закричал: «Офицер!» и еще раз выстрелил. И еще один каратель упал. После боя бойцы подошли к этим убитым, отдернули маскхалаты и убедились, что это, точно, офицеры. На одном было несколько крестов. Кресты эти Фриц снял и сказал: «Первый бой на стороне красных!»

После этого случая Фрицу дали карабин и уже доверяли полностью.

...Воскресенье, 15 февраля 1942 года.

В этот день партизаны Дорогобужского района Смоленской области освободили от оккупантов Дорогобуж и завершили очищение от противника 380 деревень Дорогобужского, Сафоновского, Глинковского и Семлевского районов.

«С 15 февраля,— как изложено в армейском политдонесении о боевой деятельности отряда «Смерть фашизму»,— в данном отряде находится бывший солдат немецкой армии, ранее дезертировавший и долгое время скрывавшийся в Ярцевском районе Шменкель Фриц. По показаниям жителей, данного дезертира немцы долго искали... После его допроса и после опроса жителей, которые подтвердили, что Шменкель дезертирует давно, с населением обращается хорошо, отрядом был оставлен у себя. Шменкель заявляет, что он коммунист, 2 года сидел в тюрьме, на фронт попал из тюрьмы. В данное время Шменкель участвует во всех операциях отряда, являясь пулеметчиком».

После памятного боя Фриц попросил, чтобы ему дали русскую одежду, он не хотел больше ходить в гитлеровской форме. Михаил Сидоров дал ему брюки, его брат Андрей — гимнастерку, другие партизаны — шинель, шапку и рукавицы. Внешне он теперь ничем не отличался от остальных бойцов. Но этого ему показалось мало... Однажды он подошел к Просандееву и на ломаном русском языке сказал:

— Не надо меня больше называть Фрицем, командир.

— Почему? — удивился сержант.

— Я слышал, у вас называют фашистов фрицами. Я не хочу, чтобы меня так называли. Это старое немецкое имя, хорошее имя. Но не сейчас. Когда фашистов не станет, я снова буду Фриц.

— А как же тебя теперь называть прикажешь?

— Русские каждого немца зовут Фрицем. Немцы каждого русского называют Иваном. Вот и я буду Иваном, немецким Иваном.

Просандеев рассмеялся, открыто и добро.

— Что ж, Иван так Иван. Ты, пожалуй, прав, какой ты фриц. Только имей в виду, с нас, Иванов, нынче спрос особый,— он ведь тоже был Иваном, Иваном Константиновичем.

Иваном, Ваней, Иваном Ивановичем будут называть Шменкеля все его боевые друзья, советские партизаны, некоторым из них его настоящее имя так и останется неизвестным.

Свой среди своих

Отряд «Смерть фашизму», бойцом которого стал Фриц Шменкель, отбив столь удачно нападение карателей и покинув деревню Курганово, прочно обосновался в Вадинских лесах.

Партизанские отряды Смоленщины еще не были подчинены единому командованию, но многие из них уже объединялись на время для проведения совместных боевых операций, некоторые установили связь и с армейским командованием. Это был естественный процесс, характерный для того периода Великой Отечественной войны, который последовал за первым крупным поражением немецко-фашистских войск под Москвой. Установления гибкого и прочного взаимодействия, постоянной связи отрядов друг с другом требовала сама жизнь, когда для партизан всюду был только фронт, без флангов и тыла.

Много лет спустя бывший начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко отметит: «...смоленские партизаны боролись в невероятно трудных условиях. Центральное направление в ходе всей войны всегда оставалось главным направлением. Здесь неприятельские войска дольше находились в стабильном положении, их концентрация не снижалась даже в период Сталинградской битвы. Наоборот, к лету 1943 года число вражеских дивизий увеличилось. Смоленские партизаны действовали в непосредственном фронтовом тылу группы армий «Центр», иногда вблизи боевых порядков вражеских войск. Им приходилось иметь дело с регулярными частями противника. В этом своеобразие и главная особенность партизанской борьбы на Смоленщине...

Смоленщина противником была выделена в особую зону, поскольку здесь был штаб армий «Центр» и несколько штабов армейской группировки. Смоленским партизанам постоянно приходилось иметь дело с кадровыми немецкими полками охранных войск, с регуляр-

ными фронтовыми частями, использовавшими против партизан танки, артиллерию и авиацию. И отрадно, что они не только выстояли, но и нанесли противнику колоссальный урон».

Это может показаться сегодня невероятным, но это было! На забитой, казалось бы, до предела фашистскими солдатами Смоленщине весной 1942 года образовались три партизанских края! [1]

Еще до образования Вадинских партизанских бригад отряд «Смерть фашизму» не только хорошо знал своих непосредственных соседей — отряды имени Щорса, Лазо, Буденного, Фурманова, Котовского, Александра Невского, но и совершал с ними подчас отдельные операции. Вот почему и по сей день бойца Ивана Ивановича Шменкеля хорошо помнят бывшие партизаны не только его собственного отряда, но и многих других. Все они утверждают, что Шменкель вошел в партизанскую семью поразительно свободно и легко, словно и не был он никогда солдатом немецкой армии, а воевал с ними плечом к плечу с самого начала войны.

Вряд ли, конечно, так уж легко преодолел он известный психологический барьер, как могло показаться со стороны. Но то, что это произошло быстро — факт.

Было еще одно обстоятельство. Долгие восемь лет Фриц Шменкель жил в условиях террористического государства, когда стена недоверия разделяла людей, когда нужно было денно и нощно тщательно скрывать от окружающих свои мысли и чувства. И вот теперь, впервые после многих лет молчания Фриц Шменкель мог раскрыться, никого не опасаясь, потому что он был среди своих! Эти люди были близки ему по своему мировоззрению, и по идеалам, и по той ненависти, что испы-

---

[1] Первый партизанский край охватывал Дорогобужский, значительную часть Ельнинского, Знаменского, Семлевского и Екимовичского районов — это свыше 600 населенных пунктов. Обороняли край от оккупантов около восьми тысяч партизан. Второй партизанский край был на северо-западе области. Он располагался на территории Слободского, Касплянского, Пречистенского, Демидовского, Понизовского, Краснинского и частично Руднянского и Смоленского районов. Его защищали шесть тысяч партизан. В Вадинский партизанский край входила территория Ярцевского, Сафоновского, Батуринского, Холм-Жирковского, Издешковского, Духовщинского и Бельского районов.

тывали они к самому черному порождению империализма — германскому фашизму. Многие из них потеряли в смертельной борьбе своих близких: жен, матерей, детей, многие хватили полной мерой ужасы гитлеровских лагерей, пыток, издевательств... Шменкель тоже потерял близкого ему человека — отца, тоже испытал мрак и холод тюремной камеры. У них был общий враг — германский фашизм и общая цель — его полный и окончательный разгром. У них была и общая мечта — построить после этой победы светлое коммунистическое общество на земле, поэтому они были не только союзники, но, что значительно выше,— побратимы-единомышленники.

Позднее, когда Фриц уже овладел в какой-то степени русским языком и мог говорить не только на бытовые темы или понимать военные команды, он узнал, что еще в годы революции и гражданской войны в рядах красноармейцев и красных партизан наряду с русскими, украинцами, латышами, грузинами, представителями других народов бывшей царской России сражались против белогвардейцев и интервентов немцы, австрийцы, венгры, чехи, сербы — бывшие военнопленные. Многие из них стали коммунистами, некоторые после войны вернулись на родину, но иные навсегда остались в Советском Союзе.

Если кто-нибудь сказал бы тогда, в сорок втором, Фрицу Шменкелю и его советским друзьям Петру Рыбакову, Ольге Сидоровой, Михаилу Сидорову, Виктору Коровину, Надежде Федоровой, Андрею Красильникову, Петру Редькину, Виктору Спирину и другим, что они осуществляют на деле великие принципы пролетарского интернационализма, участвуют в закладке фундамента будущей дружбы народов Советского Союза и народа первого государства трудящихся на немецкой земле, они бы только улыбнулись. Зачем такие высокие слова! Все было куда проще, обыденнее. Они лишь жили под одним небом, спали на одной земле, обогревались у одного костра, ели из одного котелка, укрывались одной шинелью, делили по-братски один ломоть хлеба, посоленный одной на всех щепотью соли... И еще — они вместе сражались против общего врага, вместе каждый день и каждую ночь смотрели в лицо смерти.

На стоянке в селе Бураково Фриц познакомился с молодым парнем, разведчиком отряда имени Александ-

ра Невского Федором Русаковым. Федор был среднего роста, крепок, с квадратным подбородком и невообразимо буйным чубом, вольготно ниспадавшим на лоб из-под лихо сдвинутой на затылок шапки. Под этим чубом неожиданно ярко синели большие, ясные глаза. «Феда» — так выговаривал его имя Фриц.

В тот самый день — 15 февраля 1942 года,— когда Фриц Шменкель обрел наконец в отряде побратимов, Федор потерял всю свою родню. Это произошло в деревне Гуторово Ярцевского района. В воскресный, по старым деревенским понятиям праздничный, день. Оно стало кровавым, то воскресенье, для 69 жителей небольшой смоленской деревни Гуторово, которая так и не возродилась после войны. Некому ее было возрождать. 69 жителей, всех, кого могли сыскать, расстреляли гитлеровцы. Так написано в официальном акте. Местные же люди полагают, что больше, только не все трупы обнаружили, некоторые, видимо, сгорели дотла... Потому что расстрелянных каратели потом сожгли. Среди них были мать Феди Евдокия Прохоровна, сестры Анна и Надежда, племянница Анка...

Лютой ненавистью возненавидел Федор Русаков убийц ни в чем не повинных своих близких и земляков. А немца Фрица Шменкеля считал и тогда, и по сей день считает другом и братом по классу, по оружию... И не могло быть у партизана Фрица Шменкеля жалости к этим убийцам, в которых он стрелял. Не мог жалеть их из-за того лишь, что они тоже родились у немецких матерей. Потому что ни один палач чужих матерей не имеет права на жизнь. Не должно оставаться на земле убийц чужих детей.

Через год его, Фрица, обмороженного и обессилевшего, после тяжелого боя, в котором каратели рассеяли партизан, подберет в лесу комиссар отряда «Комсомолец» Фрол Мефодьевич Тимошенков. А ведь его старшего брата, жену, двух сыновей и старшую дочь вместе с другими жителями деревни Глисницы заживо сожгли гитлеровцы. Но не затуманила ненависть к иноземным захватчикам его глаза, не обуглила сердца, а потому как кровного побратима подобрал он в Барановском лесу и выходил немецкого патриота.

Из рассказа О. М. Кондрученковой.

«Фриц часто вспоминал о доме, говорил, что в Германии много таких, как он, не желающих воевать. Очень переживал, что он немец. Особенно когда видел повешенных жителей. Фрицу довелось видеть деревню возле Мирополья, где немцы сожгли в сарае заживо около ста пятидесяти человек. Партизаны узнали об этой карательной экспедиции, но опоздали на какой-то час... Выпал глубокий снег, он и задержал. Когда подошли к деревне, все уже было кончено.

Мы встретились с группой партизан, возвращавшихся оттуда, на Труботке, так мы называли почему-то лесную речушку возле нашего лагеря. Помнится, я сидела на подбитом нашем танке, застрявшем здесь еще с осенних боев. Фриц сидеть не мог, он быстро расхаживал взад-вперед, махал руками и все спрашивал: «Как же так возможно?» В бою, дескать, ладно, там солдат убивает солдата, но как же можно детей, киндеров, кидать в огонь?! Потом с яростью сказал: «Мы еще побьем этих фрицев!» А сам был Фриц, только не любил, чтобы его так называли. Он и был у нас Иваном Ивановичем».

Через тридцать с лишним лет вдова Фрица Эрна получит письмо от другой немецкой вдовы. Та спросит: не Фриц ли Шменкель, немец, убил в России ее мужа, тоже немца? Ничего не ответит на это злое письмо Эрна Шменкель. А могла бы. Могла бы спросить в свою очередь: а не твой ли муж, солдат вермахта, немец по национальности и фашист по всему прочему, кидал в огонь русских детей близ смоленской деревни Мирополье?

Следующий бой, в котором Шменкелю довелось участвовать уже в качестве равноправного бойца, случился 9 марта в деревне Комарово. Скоротечный бой развернулся и отгремел по классической партизанской схеме «засада засаде», когда главным фактором победы становились внезапность и дерзость нападения. Но был еще один, без которого немыслимо представить успех никакой операции в тылу врага (поскольку преимущество в живой силе и огневой мощи редко оказывались на стороне партизан),— это осведомленность о противнике, иначе говоря — разведка.

Партизанская разведка (а разведчики на оккупированной территории у партизан были в каждой деревне)

сообщила, что в Комарово должна прибыть карательная экспедиция. Каратели, судя по всему, намеревались устроить в селе засаду на партизан, угрожавших важному центру Сафоново (километрах в двенадцати от Комарова), где располагался крупный фашистский гарнизон.

Партизанская засада была устроена в бревенчатом сарае на окраине села.

Каратели подкатили к Комарову на нескольких санях. Двое по приказу офицера соскочили с розвальней и направились к сараю проверить на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Им позволили войти и тут же тихо ликвидировали, не дав и охнуть. В следующий миг в сани полетели ручные гранаты, загремели выстрелы. Вместе с товарищами стрелял по карателям из карабина и Шменкель.

Автоматического оружия у партизан было тогда еще мало. Пистолеты-пулеметы, и отечественные и трофейные, почитались как самая большая ценность, вручали их лишь лучшим из лучших. Потому всем остальным, то есть большинству партизан, приходилось в критические моменты боя развивать и поддерживать самый плотный огонь из карабинов. Фриц и стрелял в бешеном темпе, не успевая даже разглядеть, падал ли кто-нибудь под его пулями. Рядом, пристроившись за могучей дубовой колодой для колки дров, в том же темпе бил по карателям и Петр Рыбаков.

...Офицер, ладный и крепкий, впрыгнул в сарай через не замеченный никем ранее проем между последним бревном и невысокой кровлей. Почему не швырнул он сначала в сарай гранату, можно только гадать. Главное — не бросил. В руках лейтенанта был автомат «38—40», страшное оружие в ближнем бою, но, прыгнув, он качнулся, и длинная очередь прошила крышу... Подброшенный неведомой силой, взметнулся со своего места Шменкель и тем же страшным коротким ударом, которым свалил некогда на учении долговязого унтера, ударил лейтенанта прикладом карабина.

На другой день гитлеровцы послали в Комарово еще одну группу карателей, скорее всего, чтобы расправиться с жителями. Никак не предполагали фашисты, что партизаны совершат такой опрометчивый, с их точки зрения, шаг: задержатся в деревне на ночь. Но именно на этом противоречии здравому смыслу и по-

строил Иван Просандеев свой план и... устроил в деревне повторную засаду. В этом бою Фриц Шменкель уничтожил четырех гитлеровских солдат и захватил ручной пулемет — трофей, считавшийся у партизан одним из самых ценных. С той поры он и стал пулеметчиком.

Следующее упоминание имени Фрица Шменкеля датируется 17 апреля. Как писал в характеристике на Шменкеля старший лейтенант Дмитрий Горских, в этот день Фриц участвовал в засаде под деревней Дятлово. После того как фашисты, натолкнувшись на сильный огонь партизан, отступили, он заметил двух притаившихся солдат противника, в короткой перестрелке уничтожил обоих и принес в отряд две винтовки с подсумками.

После этого боя, указывает Дмитрий Горских, Фриц Шменкель был окончательно признан бойцами за своего.

Но раньше Фрицу пришлось пережить тяжелое потрясение. В середине марта пришла в отряд почерневшая от горя Мария Поручикова — дочь Сергея Михайловича. Разыскала Шменкеля и молча протянула ему трубку с кисетом. Потом, отвернувшись, едва выдохнула:

— Держи, Ваня, ты забыл у нас, так отец наказал вернуть...

И зашлась в рыданиях. Фриц уже понял, что случилось страшное, непоправимое. Так оно и было. Оккупанты пронюхали-таки через полицаев-предателей, что старик Поручиков укрывал на хуторе Паделище беглого немца-дезертира, ушедшего, к тому же, к партизанам. Сергея Михайловича схватили, долго терзали, допытываясь, кого он прятал, почему не донес властям о дезертире, требовали указать стоянки партизан, выдать связных. Пытали, но ничего не выпытали.

Сергея Михайловича Поручикова, русского крестьянина и советского патриота, оккупанты повесили 1 марта 1942 года. Вместе с ним на той же виселице принял смерть и партизан Семен Шитиков, схваченный карателями в Курганове.

— Это из-за меня его повесили, и потому я перед его памятью вечный должник,— с горечью сказал Фриц уже много времени спустя Ольге Сидоровой, машинально набивая крепким самосадом недорогую солдат-

скую трубку. Ту, что забыл некогда на столе в доме старика Поручикова...

А между тем фашистские военные власти давно разыскивали Фрица Шменкеля, самовольно оставившего свою часть на Восточном фронте. Но тогда — в начале сорок второго — власти могли только гадать, куда он девался, что с ним произошло, где следует его искать.

Гитлеровцы, в свое время нагрянувшие на мельницу, искали не персонально Шменкеля, а неизвестного им дезертира вермахта, слухи о котором разошлись по округе и достигли фашистского гарнизона. Дезертиров вермахта уже в ту первую военную зиму насчитывалось немало. Смоленский подпольщик железнодорожник Ф. Алантьев через много лет вспомнит примечательный случай: «Однажды, это было в январе 1942 года, на сортировочной станции остановился странный эшелон, набитый до отказа немецкими солдатами. Эшелон тщательно охранялся часовыми. Люки и двери вагонов были закрыты, а в щели слышались гортанные крики немцев: «Вассер! Вассер!»

Я проходил мимо. Воспользовавшись тем, что часовой ушел к соседнему вагону, я открыл дверь. Из вагона гурьбой высыпали немцы, оборванные, грязные, заросшие, с воспаленными глазами. Они жадно набросились на снег, старались набить им котелки.

Часовой с криком «Цурюк! Цурюк!» бросился загонять немцев в вагон.

Я стоял и смотрел на эту дикую и непонятную для меня сцену. Часовой набросился на меня, начал угрожать карабином. Выручил меня подоспевший комендант.

Выяснилось, что это были немецкие солдаты, отказавшиеся воевать. Их отдали под суд военного трибунала, и вот теперь везли в концлагеря, в Германию.

Вечером мы обсуждали с товарищами этот случай. Немецкие солдаты, обманутые фашистами, не хотят воевать...»

В самом Смоленске была тюрьма, где содержались только немцы. Не один из ее заключенных был тайно казнен на окраине города за отказ воевать против Красной Армии, убивать советских людей... Их будет много — солдат, унтер-офицеров и офицеров вермахта, расстрелянных в годы войны по приговорам фашистских

судов за отказ запятнать свою честь и честь своего народа участием в разбойничьих походах Гитлера...

Летом 1942 года фашистское командование знало вполне определенно: ефрейтор Фриц Шменкель жив и воюет в составе отряда советских партизан на Смоленщине.

В Берлине в ведомстве начальника полиции безопасности и службы безопасности Эрнста Кальтенбруннера издавался в строго ограниченном количестве экземпляров еженедельник «Сообщения из оккупированных восточных областей». Его печатали на ротапринте и рассылали высшим руководителям нацистской партии, рейха и вермахта. В «Сообщениях» № 22 от 25 сентября 1942 года написано: «Новые сведения говорят о том, что различными партизанскими группами руководят лица, которые носят немецкую военную форму... В немецкую военную форму одеты даже целые отряды. Так, например, один агент сообщил о результатах наблюдений в районе Владимирское. В деревне Кузнино он обнаружил группу партизан численностью в 10 человек... командиром которой является немецкий солдат... Он носит русский офицерский ремень и вооружен пистолетом (по описанию, речь идет о ефрейторе Фрице Шменкеле, о котором уже неоднократно сообщалось). Весь отряд носит имя «Смерть фашизму». Насчитывает около 400 человек. Постоянным местом его расположения является деревня Курбатово».

Фашистский агент, на основе донесения которого был составлен текст данного «Сообщения», ошибся в численности отряда «Смерть фашизму». На самом деле в нем никогда не было такого количества бойцов.

Тогда же оккупационные власти объявили награду за голову уже не просто дезертира — партизана Фрица Шменкеля. Ни в одном архиве пока не обнаружена подлинная листовка с объявлением вознаграждения за поимку Фрица Шменкеля. Люди, читавшие эти подлые листки много лет назад, сегодня расходятся в цифрах: кто называет две тысячи марок, кто двадцать, кто даже пятьдесят. Но многие хорошо помнят, что русскому за содействие в поимке Фрица Шменкеля сулили дом, корову и несколько гектаров земли, а солдату вермахта кроме денег еще и сверхсрочный отпуск на родину.

Из рассказа Д. П. Кондрученкова.

«Летом 1942 года немцы распространяли листовки желтого цвета. Я сам видел. Кто-то из наших ребят ее подобрал на курево. Текст был на русском и немецком языках. За голову Шменкеля давали 50 тысяч марок. Мы ему показали, а он смеется.

— А я,— говорит,— за голову Гитлера дам 100 тысяч марок.

— Да где ты их возьмешь? — спрашиваю.

— А мне Сталин даст,— отвечает, а сам хохочет».

Когда весной 1942 года закончилось зимнее наступление Красной Армии, образовалась извилистая линия фронта с большими выступами в сторону обеих воюющих сторон, взаимными угрозами выхода в тыл, окружения крупных группировок войск и т. п. Особой сложностью отличалась обстановка в треугольнике Ржев — Вязьма — Смоленск.

На центральном участке фронта враг по-прежнему держал крупную группировку войск. Ставка, не располагавшая еще достаточными людскими резервами и материальными ресурсами, приняла в качестве способа боевых действий на весну — начало лета 1942 года активную стратегическую оборону, включающую частные наступательные операции, в их числе и на смоленском направлении.

Весной активизировали свои действия и смоленские партизаны. Причем все чаще и чаще они стали объединять свои силы для проведения особо ответственных операций. Одна из них была осуществлена при участии отряда «Смерть фашизму» 10 мая. Об этой операции не раз писали журналисты, сохранились и воспоминания ее участников. Но иногда ярче самых захватывающих описаний звучит сухой, протокольный, казалось бы, архивный документ. Имеется и таковой — «Боевой путь 3-й Вадинской партизанской бригады имени В. И. Чапаева». Вот что в нем говорится о боях с гитлеровцами весной 1942 года:

«...Обстановка требовала объединения сил, боевого содружества (партизан). И командованию отряда приходилось все чаще и чаще договариваться относительно совместных выступлений. Наиболее удачной операцией совместными силами следует признать засаду отрядов «Смерть фашизму», имени Суворова и имени Буденного 10 мая на большаке между д.д. Малая Бе-

ресневка и Пономари. Было избрано прекрасное место, где кустарник подходил непосредственно к дороге. Отряды проявили высокую дисциплинированность, до рассвета и с тщательной маскировкой явились к назначенному месту и к 5.00 заняли свои места в 8—10 метрах от большака. С левого фланга расположился отряд «Смерть фашизму», в центре — имени Суворова и с правого фланга — имени Буденного. С обеих сторон большака в отдалении 500 метров было выставлено наблюдение. Засада была задумана на двигавшиеся по большаку колонны пехоты или грузовые автомашины, но в 7.00 наблюдатель, выставленный отрядом «Смерть фашизму», доложил, что со стороны деревни Пономари Духовщинского района движутся танки. Посоветовавшись, командиры отрядов приняли быстрое решение: произвести налет на танки противника. Шли 8 танков, 2 тягача с пушкой, 2 автомашины и 1 спецмашина. Танки с открытыми люками облепили солдаты и офицеры. Кто щелкает фотоаппаратом, кто поет песни, кто играет на гармошке, кто тянет вино из горлышка. Но вот по хвосту колонны ударили пулеметы, полетели связки гранат. Удар был мгновенный и неожиданный. Бронебойно-зажигательные пули просверлили баки с запасным бензином, расположенные вокруг башен. Загорелся задний танк, загорелся передний. Немцы кинулись наутек, но везде их догоняли пули. Поблизости находилась солома, ее партизаны использовали для поджога других танков. Только одному танку удалось уйти, а 7 были сожжены. Сожгли автомашины, тягач, взорвали пушку. Было убито 43 фашиста, несколько офицеров...

В то время, когда, захватив многие трофеи, отряды уже отошли, на месте боя появилось 6 фашистских бомбардировщиков и 3 истребителя и начали бомбить и обстреливать большак и кустарник близ него. Но партизан там уже не было.

В бою, наряду со многими партизанами, показал храбрость и отвагу Фриц Шменкель, рабочий-металлист города Штеттина, дезертировавший из немецкой армии и в феврале 1942 г. вступивший в партизанский отряд «Смерть фашизму». С 10-метрового расстояния Фриц поливал фашистов из немецкого пулемета. Когда немцы начали разбегаться, Шменкель выскочил из кювета и, догоняя их, расстреливал в упор. И в после-

дующих боях партизан Фриц Шменкель, «перекрещенный» в отряде в Ивана Ивановича, показывал примеры мужества и отваги. Сам отличный пулеметчик, он обучил владению немецким пулеметом 6 партизан. На личном счету Ивана Ивановича более 30 истребленных немецко-фашистских оккупантов».

Нападение на танковую колонну имело одно неожиданное последствие.

С некоторых пор в партизанском отряде появился трофейный радиоприемник. Дотоле отрезанные линией фронта долгими километрами оккупированной территории от Большой земли, партизаны как бы воссоединились со всей огромной Советской страной. Радиоволны доносили до смоленских лесов голос Москвы, слова правды. Часы, когда Москва передавала сводки Совинформбюро, ожидались ежедневно с волнением и нетерпением.

В последнюю субботу мая бойцы, собравшиеся у штаба отряда — среди них и Фриц Шменкель,— в числе прочих сообщений, переданных в утренней сводке за 30 мая 1942 года, услышали вдруг:

«Разведка партизанских отрядов товарищей В. и С., действующих в немецком тылу в одном из районов Смоленской области, сообщила, что по шоссе движутся восемь танков и несколько автомашин с пехотой. Замаскировавшись на деревьях у дороги, партизаны стали ждать. Когда вражеская колонна подошла к засаде, партизаны забросали ее гранатами. Семь танков, автомашина и тягач загорелись и были уничтожены».

— Братцы, так то же про нас! Ей-богу, про нас! — первым закричал в полном восторге Петр Рыбаков.— А товарищ Вэ — это наш Васильев!

Послышались ликующие возгласы, от полноты чувств кто-то выпустил в небо очередь из автомата.

И точно, в этот день Москва сообщила всему советскому народу, всей необъятной стране об очередном боевом взносе в дело победы над врагом одного из многих тысяч партизанских отрядов, носящего гордое и грозное имя «Смерть фашизму». Вместе со всеми ликовал и партизан Иван Иванович Шменкель. У него были все основания разделить эту радость с советскими побратимами: как-никак, подожженный тягач и двенадцать из уничтоженных гитлеровцев приходились на его долю. Товарищ «В», точно, был лейтенантом Ва-

сильевым, Василием Иннокентьевичем, к этому времени принявшим на себя командование.

В тот день произошло еще одно важное событие, о котором, однако, в сводке Совинформбюро ничего сказано не было. А именно: 30 мая 1942 года Государственный Комитет Обороны принял постановление «О создании при Ставке Верховного Главнокомандования Центрального штаба партизанского движения». Начальником ЦШПД был назначен видный партийный деятель Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Этим же постановлением создавались партизанские штабы при военных советах фронтов: Украинский (при военсовете Юго-Западного направления), Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский и Карело-Финский. В сентябре начальником Западного штаба партизанского движения будет назначен первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Дмитрий Михайлович Попов.

Словно по цепочке, снизу вверх, имя немецкого антифашиста Фрица Шменкеля станет известным всему партизанскому командованию и даже попадет в документ, который Центральный штаб партизанского движения представлял непосредственно в Ставку.

Из оперативной сводки ЦШПД 28 июня 1942 года:

«В партизанский отряд перешел немецкий ефрейтор Фриц Шменкель, изъявивший желание вести борьбу с немецкими захватчиками. Шменкель зачислен партизаном. Проявил себя смелым разведчиком. Уничтожает немецких часовых. В бою с гитлеровцами показал себя стойким пулеметчиком.

Начальник ЦШПД
при Ставке Верховного Главнокомандования
П. Пономаренко
Нач. оперотдела штаба
А. Абаев»

Итак, теперь о партизане Фрице Шменкеле знали не только на Смоленщине, о нем знали и в Москве.

Вадинская партизанская имени Чапаева

Все лето и осень сорок второго года отряд «Смерть фашизму» вел непрерывные боевые действия. Фриц Шменкель, как видно из архивных документов и воспоминаний бывших партизан, участвовал во всех важнейших операциях отряда вместе со своим напарником по пулеметному расчету Петром Рыбаковым.

Впрочем, Фриц не ограничивался ролью ручного пулеметчика и инструктора пулеметного дела. Ему приходилось быть и стрелком-снайпером, и военным переводчиком при разборе трофейных документов или допросе пленных, несколько раз командование отряда использовало его как... военнослужащего фашистской армии в разведке.

Шменкель охотно брался за любое задание. Казалось, он не знал ни страха, ни усталости. Живой, общительный, Фриц легко сходился с людьми, мгновенно находил свое место в строю, в любой боевой группе и выполнял порученное ему дело быстро и уверенно, не полагаясь «на авось» и обязательно доводя до конца.

— Вы только не пишите Шменкеля как супермена, эдакого лубочного героя, которому все нипочем, вроде Кузьмы Крючкова, что одним махом насаживал на пику сразу по семь врагов,— скажет автору бывший смоленский партизан, лично знавший Фрица, ставший известным журналистом-правдистом Александр Леонтьевич Земцов.

В своей книге А. Л. Земцов (он написал о Фрице Шменкеле одним из первых) приводит свидетельство последнего начальника штаба отряда «Смерть фашизму» Петра Сергеевича Филиппова: «В боях Фриц Шменкель был отважен и смел, подлинно бесстрашен... Был исключительно скромен, не любил рассказывать о себе. Волевой, выдержанный, дисциплинированный. Никогда не жаловался на усталость, плохое питание, трудности. Его боевая деятельность неотделима от истории отряда «Смерть фашизму»...»

Однажды партизанам доставили с Большой земли специальные приспособления для бесшумной стрельбы из винтовки, такие трубки, навинчивавшиеся на ствол, и особые патроны с синей головкой. Бойцы эти глуши-

тели называли «бесшумкой». Прицел надо было ставить на пятьсот метров, но стрелять на сто. По воспоминаниям партизан, Фриц часто ходил с такой «бесшумкой», снимал часовых, разведчиков, которые шли обычно перед обозом, а потом, переодетый в немецкую форму, на мотоцикле встречал этот же обоз и задерживал у места засады.

А еще вспоминают ветераны, как несколько взводов из разных отрядов (в том числе и из отряда «Смерть фашизму») разбили обоз на большаке Духовщина — Белый. Это был декабрь сорок второго или январь сорок третьего. Обоз был санный, в упряжках хорошие бельгийские лошади. Половина саней оказалась с сеном, на других были патроны и продукты. Фашистов побили человек пятьдесят. Шменкель с пулеметом как раз и отрезал им путь к бегству.

Даже признанных храбрецов поразил в этом бою Фриц, когда они увидели, как он, встав во весь рост, с рук, буквально с десяти метров поливал гитлеровцев смертоносным свинцом...

Ф. М. Тимошенков вспоминает:

«Я лично проводил засаду под деревней Трубачево. По большаку шла машина, ехал офицер в высоком чине. А впереди мотоциклы — разведка и охрана. У нас наблюдатель — партизанский пекарь — сидел на елке, внизу связной. Он вовремя все увидел. Мы машину ликвидировали, а обмундирование офицера я велел отдать Ване Шменкелю, сказал, что ему пригодится. Так и вышло. Он часто в нем ездил по району, разведку вел».

Есть еще одно, несколько необычное свидетельство уже не о характере и поступках, а о взглядах Фрица Шменкеля. Оно принадлежит противнику и прозвучало на волне московского радио в сводке Совинформбюро в мае того же сорок второго. Шменкель, правда, по соображениям военного времени по имени назван в нем не был:

«Партизанский отряд, действующий в одном из оккупированных немцами районов Смоленской области, захватил в плен врача-хирурга лейтенанта 7-го мотоциклетного батальона 7-й немецкой танковой дивизии Пауля Пансгена. Доставленный в штаб энской части,

пленный рассказал: «За время войны против СССР наша танковая дивизия потеряла 15—16 тысяч человек...» В заключение пленный заявил: «Партизаны обращались со мной хорошо. У них я беседовал с одним немецким солдатом, бежавшим из своей части. Он ярый противник гитлеровского режима. Этот солдат вместе с партизанами совершает нападения на немецкие обозы и воинские части».

Партизанский героизм... Он проявлялся не только в налетах на вражеские гарнизоны, диверсиях на железных и шоссейных дорогах, рейдах по расположению войск противника. Высочайшего мужества, мобилизации всех физических и духовных сил требовала сама повседневная жизнь партизана, его нелегкий быт. Приходилось неделями и месяцами спать под открытым небом, когда даже землянка казалась царскими хоромами, мерзнуть в лютые морозы и мокнуть под дождями, питаться порой древесной мукой, обходиться без теплой одежды и горячей пищи. Прохудившиеся сапоги могли обернуться настоящей трагедией, подмоченные спички катастрофой. Особенно тяжело приходилось раненым и больным партизанам. Операции нередко делали прямо на земле, иногда без наркоза. Эвакуировать раненых в безопасное место чаще всего оказывалось невозможно, транспортировали их в лучшем случае на тряской подводе, когда каждый толчок отдавался невыносимой болью, а то и просто на самодельных носилках — той же шинели с продетыми в рукава винтовками или жердями.

Фриц Шменкель в одном из боев был ранен в руку, правда, нетяжело. Обработала ему рану, ласково и умело перевязала, а потом вылечила ветеран отряда Надя Федорова. Московская комсомолка, в первые дни войны она ушла добровольцем на фронт, пережила и отступление и окружение. Была среди тех бойцов, которые в декабре сорок первого образовали отряд «Смерть фашизму». Через много лет именно ей, уже кандидату физико-математических наук Надежде Ивановне Федоровой, доведется, после того как поплачут они по-женски, рассказать в Москве Эрне Шменкель о жизни в партизанском отряде ее мужа, Вани Шменкеля.

Поразительное дело! Эти люди находили время, силы, желание и для шутки, и для песни, и для разве-

селого веселья. Правда, всегда под угрозой, что вот-вот оборвет его выстрел, разрыв мины или снаряда, внезапная гибель товарища на середине так и не допетого куплета... И в этом Фриц Шменкель тоже был как все.

Да, бывало и такое... Партизаны из разных отрядов не только сражались бок о бок, но иногда, когда выпадали редкие спокойные деньки, и отдыхали вместе. И даже устраивали танцы под гармошку. Фриц любил, танцуя, притоптывать и напевать: «Гоп, в Заборье танцы, гоп, в Мирполье танцы, хлеба никс, а музыка!» Из танцев предпочитал польку. Чаще всего пел «Катюшу» по-русски и «Из-за острова на стрежень» по-немецки.

К этому времени его в отряде очень любили, оберегали. Командиры всегда говорили бойцам перед боем, что они за Фрица головой отвечают, чтобы не давали ему зарываться, не оставляли ни в коем случае, если ранят или убьют, врагу...

В середине лета произошло событие, которого ждали давно, правда, относились к нему по-разному: одни одобряли, другие были против.

Речь шла вот о чем: 26 июня 1942 года в деревне Раздобарино была образована партизанская бригада, которой присвоили имя прославленного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. Первоначально в бригаду включили семь партизанских отрядов: имени Котовского, Чкалова, Буденного, Лазо, Щорса, «За Родину!» и «Смерть фашизму». Позднее, когда бригада перейдет в оперативное подчинение командованию Западного фронта, она пополнится отрядами имени Фурманова и Александра Невского, а также особым отрядом автоматчиков старшего лейтенанта Горбика.

Командиром бригады был утвержден боевой артиллерист родом из семиреченских казаков, старший лейтенант, а потом и капитан Николай АфанасьевичМорогов. Невысокий, жилистый, сероглазый, с коротким ежиком русых волос, он был всего на год старше одного из многих своих бойцов — Ивана Шменкеля. Однако опытен, с семнадцати лет в армии, по комсомольскому призыву поступил в военное училище, перед войной успел закончить и два курса академии. Доучиться война помешала — ушел на фронт... Потом было окружение, командование отрядом имени Котов-

ского. Комиссаром бригады назначили политрука Михаила Семеновича Полуэктова из того же отряда имени Котовского. Начальником штаба стал лейтенант Алексей Васильевич Савинов, ранее командовавший отрядом имени Буденного.

Нашлись, конечно, в отрядах горячие головы, утверждавшие нетерпимо, что никакого объединения партизанам не требуется и без лишних всяких там комбригов и начштабов били оккупантов и дальше бить будут, что вообще партизаны — не армия, им воинская дисциплина ни к чему, и порядки тоже, что своих отрядных командиров они проверили в деле, а новые еще неизвестно как себя покажут.

Младший лейтенант Василий Васильев, командир отряда «Смерть фашизму», до войны был преподавателем Томского политехнического института, разговаривать с людьми умел спокойно и убедительно. К тому же, обладая внешностью совсем невоенной (некоторые находили, что его лицо — продолговатое, с доверчивыми, широко раскрытыми глазами — скорее девичье, нежели мужское), характером обладал твердым, командирским.

Терпеливо, не выходя из себя, разъяснял Васильев бойцам смысл решения военного командования и штаба партизанского движения. А начал неожиданно. Не просто ознакомил партизан с новой структурой, а торжественно поздравил их с образованием партизанской бригады. Напомнил, кем стал для советского народа легендарный герой гражданской войны и какая высокая честь сражаться под знаменем соединения, носящего почетное наименование Чапаевского...

Бойцы притихли. Командир сразу задел чувствительную струну в душе каждого. И в самом деле, кому не лестно называть себя чапаевцем!

Затем Васильев подробно разъяснил бойцам обстановку.

— Мы, товарищи, только считаемся, что действуем во вражеском тылу. На самом деле это самая настоящая прифронтовая зона со всеми вытекающими отсюда последствиями. В любой момент противник может бросить на нас не только карателей, бить которых мы с вами научились, но и регулярные части, с танками, артиллерией, авиацией. Тут в одиночку не справиться. Чтобы в новых условиях воевать с Гитлером, нужна

глубокая разведка, регулярное снабжение боеприпасами и медикаментами, постоянная связь отрядов друг с другом и армейским командованием. Только в этом случае мы будем не просто уничтожать фашистов, кто под руку попадется, но бить их целеустремленно, со смыслом, так, чтобы принести наибольшую пользу Красной Армии, а это главное. По одиночке с такими задачами нашим смоленским отрядам не справиться. И еще хочу сказать... Отряды наши как были, так и остаются со своими командирами и личным составом, своими названиями. Никто нас стричь под одну гребенку не собирается...

Речь командира бойцам понравилась, дошла до их сердца и разума. Шменкель в обсуждении, в горячих спорах своих товарищей участия не принимал, считал это нетактичным, отмалчивался. В любом случае, полагал он, его дело есть и будет добросовестно выполнять свои обязанности. Он и выполнял...

Как и предвидело командование, очень скоро в борьбу с партизанами включились кадровые части вермахта. Уже в первых числах июля партизанам пришлось столкнуться с регулярной пехотной дивизией. Эту дивизию фашистское командование перебрасывало из-под Белого в Сталинград. Заодно дивизии было приказано очистить от партизан округу. Ожесточенные бои с превосходящими силами гитлеровцев длились не одну неделю. Партизанам пришлось туго, не раз попадали они в, казалось бы, безвыходное положение. Однако этой дивизии так и не удалось выполнить задание своего командования, более того, она сама понесла тяжелые потери.

Успех партизан в значительной степени предопределил тот факт, что действовали они согласованно, под единым командованием, не лишавшим их проявления собственной инициативы.

По приказу комбрига Николая Морогова на отряды было полностью распространено обязательное исполнение всех действующих уставов Красной Армии.

28 июня 1942 года особым приказом комбриг установил обязательное принятие всеми бойцами бригады партизанской присяги. Текст написал сам вместе с комиссаром Полуэктовым. На протяжении последующей недели партизаны бригады имени В. И. Чапаева в торжественной обстановке принесли присягу на верность

Советской отчизне. Сурово и грозно звучали слова клятвы:

«Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей русской земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину. За сожженные города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно. Кровь за кровь, смерть за смерть!

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии, уничтожать бешеных гитлеровцев, не щадя крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою, чем отдам себя, свою семью и весь русский народ в рабство коварному фашизму.

Если же по моей слабости, трусости или злой воле я нарушу эту свою присягу, пусть умру позорной смертью от руки своих товарищей».

Вместе со всеми чапаевцами принял на себя эту священную клятву и боец Шменкель Фриц. Только назвал себя — как оно и было на самом деле — сыном немецкого народа... Этой присяге он и хранил верность до последнего дыхания, последней капли крови.

В архивных документах бригады имени Чапаева упоминается неоднократно о подвигах партизана Фрица Шменкеля, в частности и о том, как ему, одетому в немецкую форму, приходилось захватывать кровавых приспешников оккупантов — полицаев. Сохранилась такая лаконичная запись: «10.VIII. 42. Отряд выезжал в деревню Скерино, в которой были взяты семь полицейских и уничтожены».

Все детали, обстоятельства, подробности этой операции были установлены лишь без малого двадцать лет спустя.

...Алексея Петухова, по прозвищу Лешка Максименок, в деревне Скерино Бельского района по недобрым делам знали еще до войны. Отец его Максим Петухов был богатеем-кулаком, что называется шкуродером, и люто ненавидел Советскую власть. Такими же бешеными ненавистниками, каким сам был, вырастил сыновей:

Алексея и Владимира. За злую уголовщину Лешку Максименка дважды судили, перед войной он исчез. Односельчане вздохнули было с облегчением, но, как выяснилось, напрасно. Объявился Лешка в родных местах осенью сорок первого в качестве фашистского старосты. Ярыми прислужниками оккупантов стали также его отец и брат.

Страшно лютовал в селе, да и во всей округе Лешка Максименок. Не только выдавал оккупантам членов партии, комсомольцев, активистов, раненых командиров, а лично мучил и убивал. Однажды староста с полицейскими захватили трех раненых красноармейцев, выбиравшихся из окружения. Одного сразу убили, а двоих сначала избили до полусмерти, а затем еще живых закопали в землю.

Командование отряда «Смерть фашизму» приняло решение: гнездо преступников в Скерино ликвидировать, изменников Родины покарать.

Добраться до них, однако, было не так-то просто. Летом, в июле, фашисты оттеснили партизан в лесные районы, оставив между ними и населенными пунктами как бы нейтральную полосу шириной в несколько километров ровного, насквозь просматривавшегося поля. В самом Скерино гитлеровцев не было, только полицаи, но в Заборье — рукой подать, всего полкилометра — находился достаточно сильный гарнизон. Получалось, что со стороны леса к Скерино никак не добраться, заметят фашистские наблюдатели, успеют прислать подмогу.

...Трое с автоматами, один офицер и двое солдат, подошли к группе женщин, работающих в поле под надзором полицейского, со стороны не леса, а деревни. Лейтенант повелительным жестом подозвал полицая, что-то спросил по-немецки. Один из солдат перевел его слова на ломаном русском языке.

— Господин лейтенант спрашивает, где есть староста Петухов Алексей.

Полицейский подобострастно ответил, что не знает, но может проводить господина лейтенанта к дому старосты.

— Веди,— коротко приказал офицер.

Старосты дома не оказалось, отец его Максим Петухов, кланяясь и суетясь, доложил, что сына с утра вызвали в комендатуру в деревню Шамилово. Дома только он и другой его сын, Владимир.

Офицер ненадолго задумался, затем через того же солдата-переводчика приказал собрать немедленно всех скеринских полицейских с оружием — к ним, Петуховым, это тоже относится — и следовать за ним. Куда именно и зачем, он сообщит, когда сочтет нужным.

Пока полицейский бегал по деревне, собирая своих, Максим Петухов докладывал офицеру, как верно служат великой Германии его сын и его помощники, сколько раненых красноармейцев и местных коммунистов истребили, сколько пособников партизан выдали властям. Офицер слушал и поощрительно кивал головой.

Старательно отбивая шаг, семеро полицаев, в том числе оба Петухова, направились в сторону села. Трое немцев замыкали шествие. Они миновали деревенскую околицу, клеверное поле, и тут случилось неожиданное:

— Стой! Бросай оружие! Руки вверх!

Растерянные и перепуганные стражи «нового порядка» послушно выполнили команду. Да и как было ее не выполнить: с обеих сторон дороги из-за кустарника блестели грозно стволы автоматов. Трое немцев, однако, и не подумали присоединиться к полицаям и не попытались оказать сопротивление вышедшим на дорогу партизанам. Более того, они почему-то стали помогать им собирать брошенное в дорожную пыль оружие.

Так и не суждено было узнать полицаям, что из трех немцев только один был настоящим — советский партизан Фриц Шменкель.

Ушел от карающей десницы советского правосудия лишь Алексей Петухов. Случайность — вызов в комендатуру — спасла тогда его жалкую жизнь [1].

---

[1] Со Смоленщины кровавый след потянется за Петуховым в Белоруссию, где он примет участие в сожжении заживо всех жителей маленькой деревушки в Толочинском районе, а позднее, после разгрома фашистской Германии, затеряется. Только в 1961 году найдут чекисты в далеком городе Биробиджане пожилого человека с длинным лицом и злым тонким носом — дворника одного из домоуправлений. Его доставят в Белый, ныне районный центр Калининской области. Здесь, в Бельском районном Доме культуры, Военный трибунал Московского военного округа рассмотрит уголовное дело по обвинению Петухова Алексея Максимовича в преступлениях, предусмотренных статьей 64 пункт «а» Уголовного кодекса РСФСР. На суде вскроется цепь кровавых преступлений, совершенных изменником Родины. Они будут доказаны неопровержимыми уликами, документами, показаниями очевидцев. Станет известно на суде и о том, как группа советских партизан в августе 1942 года

На следующий день после ликвидации семерых предателей лейтенант Васильев устроил неподалеку от Скерино засаду. Он был уверен, что, узнав о событиях в деревне, фашисты непременно пришлют сюда карателей. Так оно и случилось. Гитлеровцев встретили пулеметные очереди и ручные гранаты. В коротком бою — Фриц Шменкель был его участником — партизаны уничтожили четыре автомашины и свыше двадцати вражеских солдат.

Летом у Фрица появился еще один друг. В первый момент новое знакомство показалось оглушительной неожиданностью, в следующий миг несказанно обрадовало: наконец-то! Теперь он не один такой...

Его разыскал Федя Русаков, их отряд — имени Александра Невского — стоял тогда по соседству. «Феда» пришел не один, его сопровождал какой-то белобрысый парень, плотного сложения, со смешно оттопыренными ушами из-под большой, не по размеру пилотки и с невообразимо добрыми светлыми глазами. Одет он был в немецкую летную тужурку со споротыми погонами.

— Знакомьтесь,— нарочито небрежно бросил «Феда», тряхнув своим роскошным чубом.— Это вот Иван Иванович, а это наш Ванюшка.

Ванюшка протянул Фрицу руку и застенчиво поздоровался:

— Морген!

Вот те раз! Неужели немец?!

— Не совсем,— ответил Ванюшка.— Я из Судет, наполовину немец, по отцу, а мать чешка. Меня зовут Ян Кубат.

Их судьба оказалась во многом сходной. Ян Кубат получил повестку о призыве в вермахт в августе сорок первого и попал на Восточный фронт приблизительно в то же самое время, что и Фриц. По гражданской специальности он был электромехаником, по убеждениям — антифашистом и чехословацким патриотом. Как классного специалиста Кубата направили в люфтваффе.

ликвидировала именем советского народа семерых предателей-полицаев в деревне Скерино. Тогда-то граждане небольшого русского города Белый и услышат впервые, что руководил этой дерзкой операцией немецкий антифашист Фриц Шменкель. Военный же трибунал Московского военного округа, в сущности, лишь подтвердит тот приговор, который помешала в сорок втором привести в исполнение лишь случайность. Петухов будет расстрелян...

Служил он механиком по ремонту электрооборудования самолетов. Он тоже задумал при первой возможности перебежать к русским, и тоже это оказалось для него делом непростым: авиация, как известно, всегда базируется в достаточном удалении от фронта.

Весной часть Кубата стояла в деревне Починок Пречистенского района. До фронта было далеко, но в округе появились партизаны. Ян улучил подходящий момент, снял с одного из самолетов пулемет и дал с ним деру — прямехонько к партизанам. Как и Шменкелю, в первые дни ему не верили, и он пережил несколько малоприятных моментов. Все же ему удалось убедить партизан в своих добрых намерениях вначале словами, а затем и боевыми делами. В отряде имени Александра Невского он проявил себя храбрым и умелым пулеметчиком, добрым товарищем и мастером на все руки.

Ян уже давно слышал о немце Иване Ивановиче, искал с ним встречи, и вот теперь, когда такая возможность представилась, попросил Федю Русакова устроить их знакомство.

Они провели тогда в разговорах весь вечер, рассказывали о своих семьях, строили планы на будущее.

Фриц Шменкель и Ян Кубат встречались еще несколько раз, дружба их крепла. Оборвала ее смерть Яна. Он погиб в августе сорок второго года, прикрывая в тяжелом бою у деревни Малявна отход партизан.

Фриц сильно горевал о смерти Кубата, солдата вермахта, перебежавшего, как и он, к партизанам. Были и другие немцы-партизаны в разных оккупированных областях, на разных участках фронта, в том числе и на Смоленщине. Еще зимой и ранней весной того же сорок второго года в партизанский полк майора Владимира Жабо, действовавший в Знаменском районе, перешли один за другим шестеро немецких солдат. Первым из них был шофер Густав Кельман. Он, кстати, пришел, вернее, приехал к партизанам не с пустыми руками, пригнал грузовую машину с теплой одеждой, что, конечно, было очень кстати, если учесть стоявшие в ту зиму морозы.

В апреле по поручению командования партизан он через рупор обратился к солдатам одного из фашистских гарнизонов с таким обращением: «Я, Густав Кельман, рядовой солдат немецкой армии, около четырех месяцев нахожусь у партизан. Мне здесь живется очень

хорошо. Все, что нам в немецкой армии говорили о зверствах партизан над пленными,— все это ложь! Не бойтесь партизан, приходите к нам! Вспомните о ваших женах, детях! Не делайте их вдовами и сиротами! Вам не за что воевать!»

Следом за Кельманом с аналогичным призывом обратился к своим бывшим сослуживцам еще один из шестерых — ефрейтор 7-й роты 2-го пехотного батальона Вильгельм Майер.

Уже в 1943 году в партизанский полк «Тринадцать» Героя Советского Союза Сергея Гришина перебежит солдат Фридрих Брамгольц. Партизаны называли его Федей. Вскоре Федя прославился как бесстрашный разведчик. Вместе со старшим лейтенантом Романько, хорошо знавшим немецкий язык, Брамгольц переодевался в фашистскую форму и отправлялся на разведку в логово врага. Он погиб в мае сорок третьего года.

Был и в партизанском отряде «Месть за Родину» врач-австриец ефрейтор Франц Габерль. Однажды группа из девяти партизан, переодетых в эсэсовскую форму, напав на тюрьму гестапо, уничтожила семь часовых и освободила восемьдесят заключенных. Франц Габерль в этой операции сыграл роль эсэсовского офицера.

Овладев в определенной степени разговорным русским языком, Фриц часто беседовал с партизанами на самые разнообразные темы. Его интересовало решительно все: история революции и гражданской войны, устройство нашего государства, как выглядит Москва, какие народы живут на Кавказе, что нужно, чтобы поступить в университет и многое, многое другое. Особенно часто он беседовал по душам с немолодым уже партизаном Ефремом Шитиковым, отцом Семена, повешенного вместе с Поручиковым. Фриц расспрашивал Ефрема о том, как раньше жили в России батраки, рассказывал, как батрачил сам, вообще интересовался довоенной жизнью на селе.

Из рассказа бывшего командира бригады, полковника Н. А. Морогова.

«Увидел впервые Фрица Шменкеля я только тогда, когда стал командиром бригады, но слышал о нем много раньше. В бригаде мы с ним часто встречались. Мне нравилась его дисциплинированность, храбрость в бою,

доброта, готовность в любой момент поделиться с товарищем последним куском хлеба. Я пришел в армию по комсомольской путевке, и мне было поэтому особенно интересно разговаривать с Фрицем как немецким комсомольцем. Много, помнится, говорили о Ленине, о Тельмане. Кстати, Фриц, если не был на задании, обязательно ходил на все комсомольские собрания. Его очень интересовали колхозы. Помнится, однажды он как-то уж очень дотошно стал расспрашивать меня, для чего это нужно крестьянам объединять свои хозяйства. Вместо ответа я поднял с земли сосновую веточку и сломал пополам. Потом взял несколько веточек, сложил вместе и попытался переломить, ничего не вышло. Фриц засмеялся и понимающе закивал головой...»

Из рассказа Ф. И. Русакова.

«Я как раз накануне войны закончил десятилетку. Из разговоров со Шменкелем мне стало известно, что он закончил всего-навсего восемь классов сельской школы, да и то давным-давно. Это, признаться, меня очень удивило, ибо он был исключительно развит политически. Прекрасно ориентировался в положении в Германии, был очень сознателен. И умен был от природы. А как твердо был он уверен в победе Советского Союза, эта убежденность не оставляла его даже в самые трудные для нас дни. Меня это тогда в нем поражало и сейчас, тридцать с лишним лет спустя, продолжает поражать. Я считаю, что если бы Шменкель получил еще и соответствующее образование, а так бы, конечно, и было, останься он в живых, то он наверняка вырос бы у себя на родине, в Германской Демократической Республике, в очень крупного работника. Можно только сожалеть, что этого не случилось».

Всю осень бригада — кстати, после образования Вадинской партизанской группы она стала именоваться 3-й Вадинской партизанской бригадой имени В. И. Чапаева — вела активные боевые действия, не давая оккупантам покоя ни днем, ни ночью. Четвертьвековой юбилей Советской страны партизаны-чапаевцы встретили достойно — внушительным счетом уничтоженных гитлеровцев.

По итогам боевой деятельности первое место среди отрядов бригады занял отряд «Смерть фашизму».

Через день комбриг Морогов, комиссар Полуэктов и начальник штаба Савинов подписали приказ № 031, один из параграфов которого гласил:

«Переходящее Красное знамя Батуринского РК ВКП(б) и райисполкома передать на хранение в торжественной обстановке лучшему, передовому отряду бригады «Смерть фашизму» в лице его командира тов. Васильева и комиссара тов. Горских».

Вместе со всеми товарищами по отряду Фриц Шменкель имел все основания гордиться такой высокой оценкой боевой деятельности своего отряда, достойно оправдывавшего свое грозное наименование.

Честь была по заслугам. Тому подтверждение хотя бы несколько выдержек из боевых донесений отряда за несколько дней октября 1942 года:

«20 октября. Группой партизан на Дуровской ветке (участок Конюшино — Никитинка) подорван эшелон в 25 вагонов. 22 октября. Между станциями Вадино — Яковлевская пущен под откос эшелон в 15 вагонов с солдатами, техникой и боеприпасами. 26 октября. Партизаны выбили врага из деревни Самодумково. 27 октября. На перегоне Малаховка — Свищево магистрали Минск — Москва пущен под откос эшелон (35 вагонов). 29 октября. На Дуровской ветке подорван состав в 20 вагонов».

Радость признания омрачала лишь светлая печаль о хорошем человеке — не дожил до этого дня, скончавшись от ран, комиссар отряда Сергей Тихомиров.

А Фриц, словно оправдывая это доверие павших своих первых командиров, вскоре снова отличился в очень серьезном деле.

Из рассказа Н. А. Морогова.

«В ночь с 29 на 30 ноября бригада осуществила одну из самых эффективных операций за все время своего существования: разгромила полуторатысячный гарнизон гитлеровцев в деревне Терешино. В бригаде же тогда бойцов было ровно в два раза меньше. План нападения был разработан очень тщательно.

В 17.00 я собрал всех командиров отрядов в штабной землянке, мы стояли тогда в Колыгинском лесу, в двух километрах от деревни Татьянки. Поставил перед ними боевые задачи. План был таков.

Терешино стоит на большаке. Севернее, на том же большаке,— деревня Кулагино, южнее — Прудище. Так вот, отряд имени Александра Невского должен был с севера отрезать Терешино от Кулагина, отряд имени Фурманова — перекрыть большак уже с юга — от Прудищ. Так, чтобы гитлеровцам бежать было некуда — ни в одну, ни в другую сторону. Три отряда — «Смерть фашизму», имени Щорса и имени Котовского — должны были разгромить гарнизон в самом Терешино. Причем главной ударной силой должен был стать отряд «Смерть фашизму».

Успех операции в чрезвычайной степени зависел от фактора внезапности, а между тем со стороны отряда «Смерть фашизму», на западе, у гитлеровцев было выставлено охранение, миновать которое незамеченными было невозможно.

Я приказал вызвать в землянку Петра Рыбакова и Фрица Шменкеля. Ивана Ивановича, кстати, для этого пришлось сменить с самого почетного поста — у знамени отряда. Это уже о многом говорит... Задачу я им поставил лично в присутствии всех командиров: из снайперских винтовок с глушителями снять боевое охранение противника и расчистить тем самым путь всему отряду.

Бой должен был начаться с наступлением темноты, но мне при этом присутствовать не довелось, меня неожиданно и срочно вызвал к себе руководитель Вадинской партизанской группы генерал Иовлев. Бой начался по красной ракете. Когда я вернулся в бригаду, он уже был в разгаре. Атаке предшествовал огневой налет по деревне из 45-миллиметровых пушек и 82-миллиметровых минометов. Гитлеровцы, ошеломленные внезапным и дерзким налетом, выскакивали из домов раздетые и попадали под кинжальный огонь пулеметов, автоматов, винтовок ворвавшихся в деревню партизан.

Результат боя превзошел все наши ожидания: было уничтожено свыше четырехсот гитлеровцев, сожжено 57 автомашин, захвачены большие трофеи, а также знамя и штабные документы вражеской части. Такого успеха мы еще не знали.

Утром я спросил, как справились с моим приказом Рыбаков и Шменкель. Оказалось, что наилучшим образом. Они, как и было намечено планом, из своих «бесшумок» убрали пятерых часовых, а затем отличились и в самом бою. Через несколько дней я с чистой совестью

подписал наградной лист на Фрица Шменкеля. Петр Рыбаков был представлен к награде еще раньше».

Это произошло через год после того, как ефрейтор Фриц Шменкель сорвал со своих плеч погоны фашистской армии...

В кольце блокады

Между тем над Вадинским партизанским краем сгущались грозовые тучи. Сложная обстановка на фронте в период Сталинградской битвы требовала от командования группы армий «Центр» очистить свой тыл от партизан.

И вот фашистское командование в январе 1943 года сосредоточило в районе действия вадинских партизан значительные силы.

Возглавил карательную экспедицию эсэсовский генерал Петрих. Операции по уничтожению партизан было присвоено звучное кодовое название «Штернлауф» — «Падающая звезда».

22 января отряд гитлеровцев числом до 700 солдат повел наступление на деревню Овсяники. Отряд «Смерть фашизму» принял бой, но под давлением превосходящих сил врага вынужден был отступить к деревне Верховье. Однако и здесь закрепиться надолго ему не удалось.

25 января противник занял деревни Курбатово, Верхонье, Андрейково, Самодумки, Ширково. 26 января фашистам удалось полностью блокировать Канютинский и Вадинский леса.

С рассвета и до наступления темноты над партизанской землей висели «фокке-вульфы», корректировали огонь артиллерии. Бомбардировщики квадрат за квадратом забрасывали лес фугасками. Фашистские танки, сломив упорное сопротивление партизан, прорвались на лесные просеки, расчленили их силы, захватили партизанский аэродром.

Положение было трудным, но партизаны бились насмерть.

29 января возникла реальная угроза прорыва врага на участке, удерживаемом чапаевцами. Чтобы предотвратить атаку противника, комбриг Морогов решил нанести упреждающий удар и уничтожить фашистские гарнизоны в нескольких ближайших селах.

Бригаду разделили на три части. Отряды «Смерть фашизму» и имени Александра Невского должны были совершить нападение на Самодумки, отряды имени Фурманова, Чкалова и Буденного — на Гаврюшино и Ширково. Отряды «За Родину!», имени Котовского и Лазо остались в засаде, своего рода резерве, на пути возможного продвижения противника.

Операция завершилась успехом. Гарнизоны в Самодумках и Гаврюшино были разгромлены, около шестидесяти гитлеровцев убито. Но смелый рейд партизан мог только на короткое время спасти положение.

Уже 2 февраля гитлеровцы предприняли новое наступление. Свыше тысячи солдат при поддержке танков обрушились на участок между деревнями Колыгино, Татьянка, Самодумки. Главный удар противника приняли на себя отряды «Смерть фашизму», имени Щорса, имени Котовского, имени Фурманова. Им удалось несколько задержать противника у деревни Колыгино — здесь фашисты оставили на поле боя до ста пятидесяти трупов. Но таяли и силы партизан — редели их ряды, на исходе боеприпасы и продовольствие. Трижды был ранен в бою командир отряда «Смерть фашизму» лейтенант Васильев, но не оставил строй.

Гитлеровцы усиливали натиск, бомбардировали лес методично и с нарастающей мощью, местами он уже горел. К полевой артиллерии присоединились крупнокалиберные орудия бронепоезда, по-прежнему, сменяя друг друга, с пронзительным воем крутили смертельную карусель фашистские самолеты, обрушивая на многострадальный русский лес фугасные и зажигательные бомбы.

3 февраля ночью фашисты захватили место расположения отряда «Смерть фашизму» на опушке леса у деревни Татьянки, танки прервали связь чапаевцев с другими вадинскими партизанскими бригадами — Стороженко и Боброва.

4 февраля бригадная рация приняла радиограмму Военсовета Западного фронта: «Морогову. Военный совет с напряжением следит за вашей героической борьбой. Вам меры помощи будут приняты. Конев, Булганин, Попов».

Но уже днем раньше генерал Иовлев в связи с тем, что все возможности для удержания обороны были исчерпаны, принял единственно возможное в создавшейся обстановке решение: ночью снять отряды с позиций и

организованно уйти в Симоновские и далее в Варваринские леса. К этому времени чапаевцы уничтожили в непрерывном фактически сражении свыше шестисот гитлеровцев.

Александр Земцов вспоминает.

«Здесь-то и показали партизаны свои огромные преимущества. Бригада имени Чапаева снялась из лагеря и вьюжной ночью под носом врага без боя вышла из кольца. За одну ночь мы сделали бросок в двадцать километров. Поземка занесла наши следы, и каратели потеряли нас из виду. Пройдя через Свитские болота, где Артему Николаенкову, нашему проводнику, уроженцу здешних мест, известна была каждая кочка, мы 10 февраля переправились через немецкий передний край и вышли на позицию одной из частей 41-й армии Калининского фронта. Как потом мы установили, противник еще несколько дней бомбил с воздуха, обстреливал артиллерийским и минометным огнем пустой район нашего бывшего расположения».

Тут можно только уточнить, что, голодные, изможденные, многие раненные, партизаны прошли при этом по вражескому тылу около ста километров. Перешло линию фронта между Черным ручьем и Островами в ночь на 9 (а не 10) февраля около 470 чапаевцев, свыше 100 присоединившихся к ним бойцов других бригад и до 500 мирных жителей.

Выйти к своим полным составом бригада не сумела, часть отрядов была рассеяна, их бойцы пробивались через линию фронта мелкими группами, а то и в одиночку. И все же гитлеровцы не достигли той цели, к которой стремились. Партизаны понесли тяжелые потери, но уничтожены не были.

Уходя от врага, отряд «Смерть фашизму» наскочил на засаду. Были убиты лейтенант Василий Васильев, его ординарец Андрей Козлов, врач Анастасия Кудинова, отделенный Николай Козуб и другие бойцы. Сложил свою голову напарник Фрица Шменкеля, отважный пулеметчик и разведчик Петр Рыбаков.

Фриц Шменкель огнем своего пулемета прикрывал отход вырвавшихся из ловушки товарищей...

Измученный, продрогший, без единого сухаря в кармане бродил по лесу Фриц Шменкель без малейшей на-

дежды на спасение. Наступил момент, когда уже не было сил идти, и тогда он пополз... Почти замерзающим его и нашли Фрол Тимошенков и другие партизаны отряда «Комсомолец».

Шменкель мог бы остаться в отряде «Комсомолец», но не имел морального права, так считал он, а потому, как только вернулись к нему силы, отправился на поиски своего отряда. Он вышел-таки к одной из нескольких групп, которую возглавлял начальник штаба отряда «Смерть фашизму» Петр Филиппов.

Решив, что партизаны в этом районе полностью уничтожены, гитлеровцы сняли блокаду. Остатки отряда мелкими группами потянулись обратно к месту старой базы в Вадинский лес. И снова возродился отряд «Смерть фашизму». Командование принял на себя после смерти командира комиссар старший лейтенант Дмитрий Фролович Горских. Опять потекла привычная партизанская жизнь. Но — ненадолго...

2 марта 1943 года войска Западного и Калининского фронтов начали Ржевско-Вяземскую наступательную операцию. В ходе успешных боев были освобождены Ржев, железнодорожные станции Оленино и Чертолино, Сычевка, Вязьма.

Вадинский партизанский край перестал быть тылом фашистских войск и естественным образом прекратил свое существование. Линия фронта продвинулась на запад.

Новое задание

В марте 1943 года все оставшиеся в живых бойцы бригады имени В. И. Чапаева и другие смоленские партизаны прибыли специальными эшелонами в Подмосковье.

Командованию предстояло решить судьбу каждого бойца. Среди них было много пожилых людей, давно вышедших из призывного возраста,— этих следовало демобилизовать, определить им новое местожительство, подобрать каждому занятие. То же относилось ко многим женщинам и всем без исключения подросткам. Трудно было с ребятами. Все они категорически требовали снова направить их в партизанские отряды или в действующую армию. Грозили, что в противном случае

все равно убегут на фронт. И это была не пустая угроза: многие комендатуры страны задерживали ребят, рвущихся на войну бить фашистов.

Значительную часть партизан призывного возраста мобилизовали в Красную Армию и после переподготовки направили на фронт. Там высоко ценили таких «новобранцев»: из них без особых усилий получались войсковые разведчики — отчаянно храбрые, прекрасно ориентирующиеся во вражеском тылу, хорошо знающие повадки противника.

Наконец, многих партизан направляли на специальные курсы и в школы, где готовили партизанских командиров, разведчиков, минеров, радистов.

Понятное дело, почти всех партизан, прежде чем направить по назначению, требовалось подлечить, дать им хотя бы короткий отдых после долгих месяцев лишений и тяжких испытаний в тылу врага, просто подкормить — многие из них давно не видели самой обычной горячей пищи.

Среди многих сотен советских людей, собранных весной сорок третьего года в подмосковном поселке, был и один-единственный немец — боец партизанского отряда «Смерть фашизму». Единственный, потому что еще несколько немецких антифашистов, воевавших на Смоленщине, при прорыве из вражеского кольца погибли.

Пока Шменкель лечился — у него были обморожены ноги,— решалась его дальнейшая судьба. Среди смоленских и калининских партизан Иван Иванович, Ваня Шменкель был личностью уже почти легендарной, его любили, ему абсолютно доверяли, им гордились. Никто не собирался обижать его недоверием, не могло быть и речи, чтобы отправить Шменкеля в лагерь для военнопленных. Нужно было просто решить, каким образом лучше всего использовать этого человека дальше. Вот почему именно к «салтыковскому» периоду относится несколько характеристик на него, составленных и прямыми, и иными начальниками Фрица Шменкеля.

Самую развернутую характеристику написал в мае 1943 года комиссар отряда «Смерть фашизму» Дмитрий Горских. Он подробно описал бои, в которых участвовал Фриц Шменкель, привел цифры уничтоженных им врагов, захваченных трофеев и т. п. Дмитрий Горских писал: «Шменкель является активным участником большинства боевых операций отряда. Ему всегда поруча-

лись самые ответственные и опасные места, и всегда он доказывал свою преданность нам, партизанам. Трижды отряд был окружен фашистами, выходил из окружения мелкими группами, и Шменкель каждый раз являлся на сборный пункт, указанный нами, со своим пулеметом. Во всех боях Шменкелем проявлена исключительная храбрость и мужество. Германское командование распространяло объявление по деревням и среди солдат: «Кто поймает Шменкеля, тот получит вознаграждение: русскому — 8 *га* земли, дом и корова; германскому солдату за поимку 25 тысяч марок и двухмесячный отпуск»...

Шменкель всей душой ненавидит, клеймит гитлеровский режим и его клику — фашистов. Шменкель представлен к правительственной награде: медали «Партизану Отечественной войны»...»

8 мая 1943 года аналогичную характеристику подписал один из руководителей вадинских партизан, подполковник Николай Бобров.

Наконец, в высшей степени положительную характеристику партизану Фрицу Шменкелю дал лично знавший его первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б), начальник Западного штаба партизанского движения, член Военного совета Западного фронта Дмитрий Михайлович Попов:

«Шменкель, участвуя во всех боевых операциях и отдельных схватках с немцами, показал себя исключительно смелым, отважным и самоотверженным бойцом. Всегда был на самых ответственных участках, смело выдвигался вперед и заражал своим мужеством и героизмом остальных партизан.

За время пребывания в отряде Шменкель лично уничтожил более 100 немецких солдат, 6 офицеров и 11 полицейских. В боях исключительно хладнокровен, бесстрашен, смел и отважен до безрассудства».

И в полных текстах цитируемых документов, и в приведенных отрывках читатель легко подметит некоторые расхождения, касающиеся отдельных фактов биографии Фрица Шменкеля, разночтения в цифрах и датах. Это вполне понятно и объяснимо, если учесть, в каких условиях и когда они составлялись. О причинах некоторых ошибок мы уже знаем — они возникли при переводе ответов Фрица с немецкого на русский язык. Но дело не в неточностях и расхождениях. Сегодня, по

прошествии десятилетий, они для нас не столь уж и существенны.

Документы донесли до нас главное, самое важное и существенное, что имеет значение непреходящее и уже историческое,— высокую оценку, которую дали при жизни немецкого антифашиста-интернационалиста советские боевые друзья и командиры.

«Смелый, решительный, дисциплинированный партизан», «всей душой ненавидит, клеймит гитлеровский режим», «бесстрашен, смел и отважен до безрассудства»...

Это писали о Фрице Шменкеле люди, для которых храбрость, смелость, отвага, преданность боевому товариществу были нормой поведения. Их слово, их признание, их оценка стоит многого.

Не только боевые друзья и командиры — Советское государство в лице своего высшего органа высоко оценило заслуги Фрица Шменкеля в борьбе с фашизмом: он был награжден орденом Красного Знамени.

Первым поздравил Шменкеля командир бригады Николай Морогов. На его плечах красовались новенькие майорские погоны, недавно введенные в Красной Армии, а на груди отливал золотом и эмалью точно такой же орден, какой Шменкелю еще предстояло получить. Краснознаменцами стали и другие вадинцы: Михаил Полуэктов, Алексей Савинов, Дмитрий Горских, Михаил Сидоров и посмертно Василий Васильев...

С горечью и печалью узнал Фриц о гибели в последних боях многих своих товарищей по отряду и бригаде. Но были и радостные встречи. Так, совсем неожиданно он столкнулся на улице с веселой и оживленной Олей Сидоровой, впрочем, теперь она была не Сидорова, а Кондрученкова, более того, она стала матерью. Мужа ее, Дмитрия, Фриц прекрасно знал по совместным боям еще в первые, да и последующие недели своего партизанского бытия. Кондрученков тоже был здесь, под Москвой, он готовился к новой отправке во вражеский тыл.

Из рассказа О. М. Кондрученковой.

«В последний раз я видела Фрица Шменкеля уже под Москвой, после выхода из блокадного кольца. 21 марта 1943 года у меня родился сын, и приблизитель-

но в конце апреля я с ним приехала к мужу. Фриц обрадовался встрече, стал расспрашивать, кто родился.

Я ответила: «Сын».

Он засмеялся и сказал: «Значит, партизан». Потом спросил, как назвали. Я ответила, что Ростиславом, Славой. Он улыбнулся: «Правильно, пусть будет партизанская слава».

Прощаясь, он произнес такие слова: «Я тоже хочу увидеть свою Германию свободной, чтобы и мои дети узнали, что это такое — свобода».

Больше мы не встретились с ним».

В подмосковном дачном поселке Фриц Шменкель пробыл до 28 апреля 1943 года, а на следующий день выехал в маленький городок Боровск — часа три езды от Москвы к Калуге — по вызову Западного штаба партизанского движения, дислоцировавшегося там.

9 июня Фрица Шменкеля пригласил к себе представитель ЗШПД подполковник Кирилл Никифорович Осипов. Этого спокойного, выдержанного командира с Золотой Звездой Героя на кителе Фрицу уже приходилось встречать и раньше.

Из письма Героя Советского Союза К. Н. Осипова пионерам средней школы имени Фрица Шменкеля в деревне Торнау, ГДР.

«...С прибытием Шменкеля я в своем кабинете вручил ему орден, поздравил его и мы продолжили беседу.

На мой вопрос, как он думает действовать дальше, ответил, что в Берлин хочет войти не побежденным, а победителем вместе с Красной Армией. Вера в победу Красной Армии была настолько у него сильна, что никаких сомнений не было. Одна была мечта у него — лично с оружием в руках добывать эту победу — победу над фашизмом, за светлое будущее своего народа.

После двухнедельного отдыха при нашем штабе Шменкель был направлен в распоряжение Центрального штаба партизанского движения в Москву. После вручения ордена он был сфотографирован. Эта фотография в красноармейской форме с орденом Красного Знамени осталась потомкам».

Прежде чем получить новое назначение, Фриц Шменкель был направлен на две недели в дом отдыха для партизан. Здесь он не столько отдыхал, сколько продолжал лечение обмороженных ног.

После отдыха Шменкелю предложили было работать пропагандистом среди военнопленных немецких солдат. Он отказался.

Тогда ему предложили поступить в специальную школу, где готовили военных разведчиков для работы в тылу врага. Он согласился.

Потянулись дни, наполненные напряженной учебой. Правда, он начинал не с нуля: знание структуры, традиций, взаимоотношений между военнослужащими, уставов и наставлений, собственный боевой опыт советского партизана, отличное владение оружием служили хорошей основой для усвоения новых знаний.

Но это вовсе не значит, что учеба давалась ему так уж легко. Давно отошли в прошлое его школьные годы, давно не был он в положении учащегося. Учиться же приходилось множеству вещей и по многу часов подряд. Кроме специальных предметов в школе занимались политической и физической подготовкой, стрельбой из оружия различных видов, русским языком, сугубо военными дисциплинами. Все это ему нравилось: и занятия, и тренировки, и общение с новыми людьми — преподавателями и товарищами.

В свободное время он читал. Особо большое впечатление произвели на него три книги, которые ему достали на немецком языке: «Чапаев» Дмитрия Фурманова, «Как закалялась сталь» Николая Островского и «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера. Кроме того, он прочитал несколько книг немецких авторов, которые на его родине, в Германии, были давно запрещены нацистами, изъяты из библиотек и сожжены. Читал он с помощью преподавателей и товарищей также и советские газеты.

Однажды Фриц прослушал несколько грампластинок. Пел неизвестный ему до сих пор певец, пел по-немецки рабочие и революционные песни. У него необычный, даже странный голос: мужественный, очень резкий, с металлическим оттенком. Имя певца было Эрнст Буш, и его песни потрясали. Особенно одна — «Болотные солдаты». Фриц ведь и сам был когда-то таким вот «болотным солдатом».

А грозные слова Тиля: «Пепел Клааса стучит в мое сердце!» — стали отныне и его боевым призывом, хотя его отца звали Паулем...

Несколько раз Шменкелю довелось побывать в суровой, настороженной, бдительной, но спокойной военной Москве. Вместе с другими курсантами стоял он, притихший, на Красной площади перед Мавзолеем Ленина. Подумать только! Он стоит на той самой площади, где Адольф Гитлер намеревался принимать парад своих войск. Где они, эти войска? Лишь тысячи безымянных могил оставили завоеватели «жизненного пространства» на Востоке. А он, антифашист и боец великого интернационального братства людей труда, стоит с гордо поднятой головой на этой площади. Потому что пришел сюда как друг, соратник по оружию, брат по классу и убеждениям. И на груди его сияет орден Красного Знамени, золотом сверкают слова великого, бессмертного призыва: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Как-то начальник школы пригласил Фрица Шменкеля к себе и после обмена приветствиями протянул ему газету, которую тот никогда раньше не видел. Газета была на немецком языке и называлась «Фрайес Дойчланд» — «Свободная Германия».

— Почитайте,— сказал начальник.— Вас это должно обрадовать и заинтересовать.

С волнением и радостью читал Фриц Шменкель о том, что по инициативе Центрального Комитета Коммунистической партии Германии и с согласия советских властей 12 и 13 июля 1943 года в городе Красногорске под Москвой состоялась учредительная конференция, в которой приняли участие военнопленные-антифашисты из рабочих и крестьян, представители находящейся в эмиграции интеллигенции, депутаты рейхстага от КПГ, профсоюзные деятели и прогрессивные немецкие писатели. С докладом «Путь чести нашего народа» на конференции выступил известный немецкий писатель-коммунист Эрих Вайнерт. Фриц Шменкель ощутил всем сердцем, насколько прав был этот человек, о котором он раньше ничего не слышал, когда заявил: «Советский Союз не скрывает своих симпатий к истинному немецкому освободительному движению. Это значит, что Советский Союз не смешивает немецкий народ с Гитлером, несмотря на те невыразимые страдания, которые причинили немецкие солдаты этой стране. Это означает, что

Советский Союз питает доверие к людям, которые поднялись на борьбу против Гитлера. И это доверие мы оправдаем!»

В газете приводились выступления солдат, унтер-офицеров, офицеров. Они говорили о том, что долг всех честных немцев скорее покончить с преступной войной, покончить с кровавым гитлеровским режимом, построить новую, подлинно демократическую Германию. С особым вниманием прочитал Шменкель выступление депутата рейхстага Вильгельма Пика. Он знал это имя, помнил еще по рассказам отца, что Вильгельм Пик был одним из ближайших соратников Эрнста Тельмана.

Участники красногорской конференции приняли решение создать Национальный комитет «Свободная Германия» — руководящий орган антифашистского демократического движения.

Газета, которую дал Фрицу начальник школы, была первым еженедельным выпуском Национального комитета «Свободная Германия» и имела то же название. В этом номере был опубликован и манифест, с которым НКСГ обратился к германской армии и народу:

«Немцы! События требуют от нас немедленного решения. В минуту смертельной опасности, нависшей над родиной и угрожающей самому ее существованию, организован Национальный комитет «Свободная Германия»...

Гитлер тащит Германию в бездну... Всю Европу превратил он во врага германского народа, и имя нашего народа он покрыл позором. Он — виновник той ненависти, которая окружает сейчас Германию.

Быть или не быть нашему отечеству — так стоит сейчас вопрос...

Наша цель — свободная Германия...

Вперед, немцы, на борьбу за свободную Германию!

Борьба за свободную Германию требует мужества, энергии и решимости. Но прежде всего мужества. Время не ждет. Нужно действовать, и действовать немедленно. Кто из боязни, малодушия или слепого послушания продолжает идти за Гитлером, тот поступает как трус и способствует национальной катастрофе Германии. Тот же, кто ставит веление нации выше приказа «фюрера» и посвящает свою жизнь и честь своему народу, тот действует мужественно и способствует избавлению своей родины от тяжелого позора...»

Фриц Шменкель был счастлив. Значит, он не один. Не единственный. Значит, их действительно много, немцев, которые думают, как он, и готовы выступить с оружием в руках за освобождение своей родины и разгром фашизма рука об руку с советскими солдатами.

...Их будет много, немецких антифашистов, бывших военнопленных, которые уйдут на фронт в составе боевых групп Национального комитета. Эрнст Апельт, Альфред Готе, Герман Эрнст Шауэр, Теодор Циммерман, Гуго Барс, Герберт Генчке, Феликс Шефлер, Гарри Краузе, Ганс Шерхаг, Йозеф Гифер, Фердинанд Грейнер, Рудольф Гиптнер, Артур Гофман, Йозеф Кифель и многие другие. Погибнут в боях или будут казнены, схваченные фашистами, Вилли Ноглер, Рудольф Штробель, Отто Блюме, Ганс Ян, Ганс Герике, Курт Циер...

Фриц Шменкель никогда не узнает об их подвигах, не услышит их фамилий. Они никогда не узнают его имени. Кроме тех, кто доживет до пятнадцатой годовщины ГДР — того самого немецкого государства трудящихся, о котором мечтали они, создавая Национальный комитет «Свободная Германия».

...Подошел к концу срок пребывания Фрица Шменкеля в школе.

В конце декабря 1943 года его вызвали к руководству и познакомили с молоденьким и застенчивым пареньком. Ничем, решительно ничем не походил он на человека, способного, рискуя ежеминутно своей жизнью, работать в логове врага. Только орден Отечественной войны I степени на лацкане пиджака красноречиво говорил о том, что этот юноша — заслуженный фронтовик. Их представили друг другу. Лейтенант Анатолий Моржин, командир группы особого назначения разведотдела штаба Западного фронта, несмотря на свою молодость — двадцать один год,— был уже опытным войсковым разведчиком. В двадцать лет он командовал взводом специального отряда разведотдела штаба 5-й армии. Настолько удачно, что ему, сержанту, было присвоено офицерское звание.

Теперь Анатолий Моржин должен был возглавить группу разведчиков во вражеском тылу. В нее входил и Фриц Шменкель. Перейти линию фронта разведчикам предстояло мелкими группами. Анатолий и Фриц крепко пожали друг другу руки...

О том, что произошло дальше, лаконично рассказали Павел Александровский и Алексей Егоров в книге «Партизан Фриц»:

«В глухую декабрьскую ночь с двадцать девятого на тридцатое, почти в канун 1944 года, Фриц вместе с двумя разведчиками приступил к выполнению задания.

Сложен, очень сложен переход через линию фронта в условиях сплошной глубоко эшелонированной обороны противника. Многочисленные дозоры, охранения, а в глухие темные ночи — усиленные караулы. Сколько на этом пути непредвиденных случайностей, каждая из которых может привести к провалу!

Вот почему с таким волнением ожидали в штабе известий от ушедших. Но прошел день, второй, третий. Позывные «Поле» в эфире не появлялись.

Минул месяц. Рация молчала. Никто из троих не вернулся. И тогда в деле после отзыва командования школы о рядовом Шменкеле («За период подготовки показал себя исключительно дисциплинированным. Своим поведением заслуживает авторитет среди товарищей. Не болтлив. Военную тайну хранить умеет. Смелый, энергичный».) появился еще один документ. В нем было всего три слова: «Пропал без вести...»

Долгое время ничего не было известно и о лейтенанте Моржине.

В одном из архивов автору показали документы, касающиеся его. Оказывается, он все же вернулся с задания, был удостоен еще одной награды — ордена Красной Звезды, но сообщить что-либо о Шменкеле не смог.

Ровно через год — 28 декабря 1944 года — лейтенант Анатолий Моржин уйдет на новое задание. На этот раз против его фамилии будет проставлено: «Пропал без вести...»

Залп на рассвете

Этот день стал первым из последних дней его жизни. Он знал, что надеяться не на что. С той самой минуты, когда скрученного и уже избитого его доставили к следователю тайной полевой полиции. Следователю не стоило большого труда установить, что схваченный советский разведчик — не русский, не латыш, не эсто-

нец, а немец. Остается только установить — из каких немцев.

На допросах молчит, хотя допрашивают с применением всех имеющихся в распоряжении тайной полевой полиции средств воздействия. Убедительных средств. Молчит... Это похоже на коммуниста.

Все прояснилось через несколько дней, когда из центральной картотеки прислали результаты дактилоскопической экспертизы. Задержанный не советский гражданин немецкого происхождения, не политэмигрант и не попавший в плен солдат вермахта. Он — бывший ефрейтор Фриц Шменкель, бежавший из части еще зимой 1941 года и, по агентурным сведениям, тогда же присоединившийся к смоленским партизанам, ранее уже судимый за самовольное оставление воинской части и осужденный к 18 месяцам заключения. Фигурировал в «Немецких розыскных книгах». Документы первого процесса и личное дело, включавшее фотографию в фас и профиль, это окончательно подтверждали.

...Больше не нужно было отрицать, что он вовсе не он. Да, он, бывший ефрейтор вермахта Фриц Шменкель, антифашист и советский партизан. Но больше он ничего не скажет. И не сказал...

К нему снова применяли «меры воздействия». Он молчал. Ему сулили жизнь в обмен за раскаяние и сотрудничество с тайной полевой полицией. Он молчал.

После того как следователь потерял все надежды выбить что-либо из арестованного, Фриц был доставлен в Минск, в военную тюрьму на Гефенгнисштрассе... на Тюремной улице. Одиночная камера в подвале, на побег ни малейших шансов. Отсюда не выбраться. Во всяком случае, живым.

Заседание военного суда при командире охранных войск и командующем областью Белоруссия было простой формальностью. Они могли бы его просто расстрелять в подвале, но — порядок. Военнослужащий вермахта, даже ставший советским партизаном и разведчиком, подлежал военному суду.

Когда выводили из закрытой тюремной машины, успел увидеть кусочек бледно-голубого зимнего неба. Тут же втолкнули в темный подъезд. Замызганная лестница, зал заседаний, показавшийся после тесной камеры огромным.

Большой дубовый стол в глубине, за ним три человека: председатель военно-полевого суда и два заседателя, офицер и ефрейтор. Такова традиция и порядок — один из заседателей должен быть равным по званию подсудимому.

И еще один судья, пощады от которого ему не ждать,— Адольф Гитлер в темной раме над креслом председателя. Ненавидящий, надменный взгляд в упор, в глаза Фрица Шменкеля, врага фюрера и рейха.

Суд был скорый. Его почти ни о чем не спрашивали. Спрашивать означало бы выслушать ответ. А это не входило в задачу господина председателя суда — превращать скамью подсудимых в трибуну антифашистской пропаганды. Поэтому он и не задавал ненужных вопросов. Все было ясно и так, вина подсудимого очевидна и доказана. Остается только проштемпелевать заранее составленный приговор.

...На основании закона
...подсудимый Фриц Шменкель
...приговаривается
...к смертной казни
...к лишению гражданских прав и чести
...навечно.

Навечно... Навечно... Навечно...

Когда выводили из подъезда и сажали в закрытую тюремную машину, еще раз успел увидеть полоску бледно-голубого зимнего неба.

Дни после суда были одинаково серыми и тусклыми, словно пуговицы солдатского мундира. Никто не приходил в камеру, кроме служителя, трижды в сутки доставлявшего скудную тюремную еду. Шменкель знал, что означает эта оттяжка с приведением приговора в исполнение, и не обольщался пустыми надеждами. «Орднунг ист орднунг» — «порядок есть порядок». Коли его не прибили молодчики из тайной полевой полиции, а отдали под суд за дезертирство и измену, то установленный для военного судопроизводства порядок должен быть соблюден до конца и неукоснительно. В соответствии с порядком приговор должен быть утвержден начальством, видимо, командующим охранными войсками. Впрочем, это не имеет значения — кем. Утвердят. Пустая формальность, продлевающая, однако, жизнь на несколько дней.

Никакого помилования, никакой замены ни долгосрочной каторгой, ни штрафным батальоном ему не будет и быть не может. И каторжная тюрьма, и штрафной — это люди, контакты. С заключенными, штрафниками, охранниками, наконец. Они не должны знать из-за соображений высшей государственной безопасности и целесообразности, что такое возможно: немецкий солдат не просто сдается в плен русским (этим в сорок четвертом никого не удивишь), но добровольно, по убеждению переходит на сторону большевиков, Красной Армии и воюет не за страх, а за совесть против вооруженных сил третьего рейха.

Такового быть не может и не должно. Политическое дело ефрейтора Шменкеля поэтому следовало превратить в якобы заурядный процесс обычного дезертира, провести его, ничем по возможности не выделяя из сотен аналогичных дел, в полном соответствии с нормальным судопроизводством военного времени, а затем привести приговор в исполнение, поскольку не будет обнаружено причин для смягчения меры наказания. Ну затем дело уйдет в архив и будет похоронено там навеки.

Для обеспечения секретности следует еще только предусмотреть, чтобы место захоронения врага фюрера и рейха Фрица Шменкеля осталось неизвестным, а сообщение о казни не появилось в газетах. Но это уже не проблема.

Поэтому пусть будут соблюдены все формальности, не следует нарушениями установленного порядка привлекать излишнего внимания к осужденному Шменкелю. Пусть поживет еще неделю, тоскливо отсчитывая каждую минуту в ожидании прихода отделения особо подобранных солдат, приводящих в исполнение смертные приговоры. Внимания не привлекать...

«Порядок есть порядок». Рутина заурядности укроет необычность дела осужденного Шменкеля надежнее, нежели самые строгие меры соблюдения секретности.

Все было продумано и взвешено, но тем не менее последние часы жизни Фрица Шменкеля не остались для нас такой же тайной, как последние шесть недель. Порядок дал трещину в одном из звеньев цепи, у самого ее конца, потому что даже среди проверенных людей может оказаться просто человек. Таковой нашелся и в минской тюрьме.

Утром 22 февраля Фриц проснулся оттого, что его грубо тряс за плечо надзиратель.

— Вставай и одевайся, к тебе гость.

Фриц сел на койке, он еще не пришел в себя от тяжелого, не принесшего бодрости сна. В камере было холодно и промозгло, в зарешеченном окошке даже не брезжило. Часа четыре. К следователям в это время не вызывают. Значит... Все же спросил:

— В чем дело?

— Не спрашивай и приведи в порядок койку.

Фриц торопливо оделся, аккуратно заправил тощее фланелевое одеяло. Надзиратель молча следил за каждым его движением, поигрывая тяжелым кольцом с ключами от камер смертников. Когда должный порядок был наведен, он выглянул в коридор и негромко позвал:

— Пожалуйста, господин военный пастор.

В камеру вошел человек неопределенного возраста с серым усталым лицом, одетый в офицерский мундир без знаков различия. На груди висел крест. Не «железный» — обыкновенный, может быть, даже серебряный крест с умирающим, распятым Христом, какой положен военным пасторам.

Он пристально взглянул в глаза Шменкелю.

— Вы не представляете, сын мой, почему я у вас в такой ранний час?

Фриц пожал плечами. Чего уж тут не понять?

— Это из-за приговора?

— Да...

Пастор сел на стул, принесенный надзирателем из коридора, дал ему знаком понять, чтобы его оставили с осужденным наедине. Фриц тоже сел — на край койки, потому что другого стула в камере не было.

— Когда меня не станет?

— Через час.

— Где?

Пастор промолчал.

— Мне отрубят голову?

— Нет, вы солдат.

— Значит, пуля?

— Да.

И снова молчание. Молчит худой немолодой человек в одеянии военного священнослужителя, молчит осужденный. Чуть подрагивает на столе зыбкий кру-

жок света от одинокой свечи. Фриц даже не заметил, откуда она взялась.

— Меня зовут Эбергард Мюллер,— сказал наконец пастор и выжидающе умолк.

Фриц качнул головой.

— Я не сделал ничего плохого, господин пастор, моя совесть чиста перед людьми, и я ни в чем не раскаиваюсь.

Он умышленно сделал ударение на словах «перед людьми», упустив «перед богом». Пусть знает, что имеет дело с атеистом.

В глазах Мюллера мелькнула растерянность. Он вынул из кармана портсигар, протянул Фрицу.

— Курите, сын мой.

Хорошее дело — закурить. Прикуривая от свечи, рассмотрел марку — «Аттика». Недорогие солдатские сигареты. Затянулся раз, другой... Давно он не курил ни «Аттики», ни «Юно», ни «Черно-белых», не вертел самокруток из табака. Пастор что-то говорит... О смерти и вечности. Земной суете и вечном успокоении. Повисают, застревают в воздухе, не доходя до сознания, какие-то ватные слова... Смерть — свобода, вечность — связь, прощание — боль, прибытие — счастье... Зачем они ему, эти слова? Осужденный Шменкель, евангелического лютеранского вероисповедания по официальным документам, давно не верит в бога, его не страшит загробная кара за земные грехи и не утешает надежда на вечное блаженство по ту сторону бытия.

Мюллер обращается к нему:

— У нас есть еще час... Могу я выполнить какое-нибудь ваше желание? Передать привет тем, кого вы любите?

Шменкель колеблется, но недолго. В конце концов, он ничего не теряет и ничем не рискует. После зачтения приговора ему разрешили написать домой последнее письмо, но у него нет никакой надежды, что Эрна его когда-нибудь получит. А у этого пастора, похоже, глаза порядочного человека. Во всяком случае, не злого.

— Я хотел бы передать письмо. Жене и детям...

— Вообще это запрещено. Но это воля...— он замялся.

Фриц улыбнулся:

— Вы хотели сказать — умирающего?

Пастор опустил глаза. Потом вынул из кармана блокнот и карандаш.

— Пишите, только коротко. Нам могут помешать.

Всего несколько строк. Больше нельзя. Может войти надзиратель. Да и ни к чему. Если Эрна понимала его раньше с полуслова, то поймет и теперь. Ей хватит этих слов. Последних...

Других уже не будет никогда. И его не будет. Тоже никогда...

Листок линованной бумаги. Карандаш. Грифель, если записку долго носить в кармане, сотрется.

Вряд ли пастор будет долго носить его письмо — это опасно. Или отправит сразу, если он действительно хороший человек, или сразу порвет и выбросит, если предложил просто так, в утешение.

Быстро набросал прощальные слова жене и детям: простите меня за то горе, которое я вам причинил. Но я дошел по выбранному мною пути до конца. Я со спокойствием смотрю на свою казнь. Но я не раскаиваюсь, потому что я боролся за хорошее дело... Береги детей. Сообщи бабушке и матери, что я, вскоре после моего двадцать восьмого дня рождения, умер. Прощайте. Никогда больше вас не увидящий папа.

Проставил дату: 22 февраля 1944 г.

Не перечитывая, протянул записку Мюллеру. Пастор спросил адрес, записал его и спрятал блокнот с карандашом в карман.

На столе появились, и опять Шменкель не успел заметить, когда Мюллер все это проделал, стакан с темно-красным вином, хлебец, маленькое распятие. Ну да, конечно, «святой ужин» — причастие.

— Я не верю в бога, пастор.

Мюллер молчит, отводит глаза.

Ладно, в конце концов, не в святом причастии дело. Это последний хлеб и последнее вино в его жизни. Поэтому он съест этот хлеб и выпьет это вино... Распятие не мешает. Христос с поникшей головой. «С нами бог» — эти слова выбиты на пряжке каждого солдата в вермахте. У него тоже был когда-то ремень с такой пряжкой.

Без стука распахнулась тяжелая дверь. Нет, не надзиратель. Два рослых фельджандарма, под воротниками мундиров увесистые бляхи на цепочках, из-за этих

блях, впрочем не только, их называют «кетен-хунде» — «цепные собаки». Щелкнули наручники.

— Вставай, ты...

Закрытая машина тряско мчит куда-то по булыжной мостовой.

— Выходи...

Серое, низкое, предрассветное небо.

Кирпичная бурая стена.

Глубокая яма в мерзлой земле.

Серый голос: «Именем немецкого народа...»

Слабый вкус хлеба и вина на губах.

Залп...

Вторник, 22 февраля 1944 года.

В этот день войска 3-го и 4-го Украинских фронтов завершали длившуюся три недели Никопольско-Криворожскую наступательную операцию. 6-я немецкая армия, не та, что бесславно закончила свое существование под Сталинградом, а новая, но под старым номером, чтобы дыра в нумерации не напоминала о разгроме на Волге, понесла тяжелые потери.

В этот день на первой странице ряда газет публиковались «Итоги месячного наступления войск Ленинградского и Волховского фронтов».

В этот день сообщались результаты воскресника в Москве, проведенного 20 февраля в помощь детям фронтовиков.

В этот день в оккупированном Минске на рассвете был расстрелян бывший ефрейтор вермахта, враг фюрера и рейха, советский партизан и разведчик Фриц Вернер Ганс Шменкель...

«Я дошел по выбранному мною пути до конца...»

Дома, в Раудтенштадте, было плохо. Исхудавшая, осунувшаяся Эрна Шменкель каждый день, выбиваясь из сил, решала одну и ту же задачу: как накормить, одеть, обуть троих детей, как свести концы с концами. И ежечасная, ежеминутная тревога за мужа: где он, что с ним, жив ли. Последнее письмо пришло в декабре 1941 года. Фриц писал, что у него все в порядке, здо-

ров. Она хорошо помнила его письма из тюрьмы и лагеря, тогда тоже у него все было хорошо, все в порядке, а приехал домой — кожа да кости. В армии, как и в тюрьме, цензура. Многого не напишешь. Она сама тоже так писала ему и в тюрьму, и на фронт: все, дескать, в порядке. Дети здоровы, а это самое главное.

Во всяком случае, пока письма приходили, значит, жив солдат. По крайней мере, был жив в тот день, когда отправлял письмо. А здесь то в один дом, то в другой хмурая женщина — почтальон, колесившая на старом велосипеде по округе, доставляла казенные конверты с казенными соболезнованиями семье по поводу того, что очередной солдат вермахта пал доблестно в бою за фюрера и рейх. Еще недавно она раскатывала на своем драндулете, гордая и заносчивая. Всем и каждому охотно сообщала, что ее дорогой Вольфганг, этот бывший крикун из «гитлерюгенд», пишет: когда русская кампания завершится блистательной победой, он надеется получить на восточных землях настоящее поместье. И тогда его жене не придется больше работать на почте, а будет она госпожой помещицей. Где-то за Харьковом ухлопали Вольфганга, товарищи потом написали — прямое попадание снаряда.

Жизнь Эрны прошла в работе, и рассчитывать она привыкла с детства только на свое кровное, заработанное в поте лица. Она никогда не завидовала ни чужому достатку, ни легким, но сомнительно доставшимся деньгам. Никто не выдает солдатам ни трехкилограммовых шматков сала, ни сукна целыми штуками, ни детской обуви. Говорят — трофеи. Слово, конечно, красивое, военное. А по ней, награбленное, оно и есть награбленное, как ни окрести. Ее Фриц на такое никогда не пойдет. Он получает всего-навсего 45 марок, на них не разгуляешься, едва хватает на сигареты (казенных полагается только 6 штук в день), чего-нибудь еще прикупить в полевой лавке. Вот, прислал 10 марок на подарок Урсуле.

Ей выдавали пособие — 82 марки, в городе на такие деньги с тремя детьми, конечно, не протянуть, а в деревне — ничего, можно кое-как перебиться. За пособием надо было второго числа каждого месяца идти к бургомистру.

После декабря письма от Фрица приходить перестали. Не было письма ни к рождеству, ни к Новому году,

ни в феврале, ни в марте. 2 апреля она, как обычно, пошла к бургомистру за пособием. Отстояла небольшую очередь. Денег ей не дали. Бургомистр посмотрел на нее как-то странно и сказал, что больше пособия ей платить не будут, потому что муж ее вычеркнут из списков части.

Эрна ничего не поняла: как так вычеркнут? Убит? Попал в плен? Ранен? Но ей ничего не присылали... На душе стало тревожно и смутно. С Фрицем случилось что-то загадочное и непонятное, это она уже и сама понимала. Первое время задержка с письмами не очень ее волновала, война есть война, может, у него не было возможности написать, может, почта пропала, всякое могло случиться на этой проклятой войне, не обязательно же, чтобы убили. Но почему так неприязненно говорил с ней, женой солдата-фронтовика, бургомистр? И почему прекратили выплачивать пособие?

Домой Эрна вернулась в полной растерянности, так ничего и не решив. Через несколько дней, однако, все прояснилось. Правда, далеко не до конца. Пришло письмо... Нехорошее. Командир части, в которой служил Фриц, сообщал в выражениях сухих и официальных, что ее муж, ефрейтор Шменкель, самовольно покинул свое подразделение и скрылся.

Эрна была ошеломлена. Что значит — «самовольно покинул»? Она помнила, как Фриц еще до войны удирал со своей батареи и приезжал домой. Через несколько дней за ним являлись, а затем препровождали на гауптвахту. Не забыла, конечно, она и его самовольной отлучки, а точнее, дезертирства в тридцать девятом. Это стоило ему полутора лет заключения. Но тогда все это происходило на территории Германии, и он каждый раз приходил домой. Но, спрашивается, куда он мог деться в России, на чужбине, в воюющей стране? Нет, этого не могло и быть. В полном смятении чувств и мыслей она написала командиру, что произошло какое-то недоразумение, она не верит, что Фриц сбежал неведомо куда, должно быть, с ним что-то случилось.

Через некоторое время пришло второе письмо. Тот же офицер сообщал, что с ефрейтором Шменкелем ничего случиться не могло. Боев на этом участке фронта не было, солдаты стояли на отдыхе, занятий тоже никаких не проводилось. Шменкель исчез в спокойной обстановке, оставив все свое снаряжение, но захватив лич-

ные вещи. Поиски ни на следующий, ни в другие дни ничего не дали. Выходит, Фриц либо скрывался где-то у местных жителей, либо перешел к противнику.

Это казалось совершенно невероятным, но... Эрна не могла не вспомнить ненависть в глазах Фрица, когда он говорил о нацистах, о войне, его странное и упорное стремление попасть именно на Восточный фронт. Вспомнила и то, с какой нежностью и уважением Фриц всегда говорил об отце-коммунисте, как резко отзывался о нацистских бонзах, как яростно спорил с ее отцом. Перед ее мысленным взором как наяву встало искаженное от злости лицо Юлиуса Шефера, когда он, стуча кулаком по столу, кричал:

— Ты непрозрачный немец!

Однажды вечером к Шменкелям пожаловал гость: полицейский вахмистр Вальтер, тот самый, что арестовал Фрица в тридцать девятом. Не дожидаясь приглашения, прошел в комнату, присел к столу. Эрна, скрестив руки на груди, стояла у стены, выжидая, что будет дальше. Вальтер внимательно оглядел комнату, впрочем, в скудной обстановке вряд ли что могло заинтересовать его. Ничего, кроме самого необходимого, в семье Шменкелей не имелось.

— Письмо от мужа давно было? — спросил вахмистр.

Пустой вопрос. Вся деревня знала, когда кто-либо из солдатских жен получал письмо с фронта.

— Давно, в декабре.

— С тех пор ничего?

— С тех пор ничего,— словно эхо повторила Эрна, а вся внутренне напряглась. Это не пустые вопросы. За ними что-то стоит. Просто так вахмистр Вальтер не станет тратить время на разговоры с нею.

Полицейский поднялся со стула. В его бесцветных глазах прочитать что-либо было невозможно. Внушительно, со скрытой угрозой в голосе он сказал:

— Фрау Шменкель, я должен предупредить вас, что, если вам станет известно что-либо о вашем муже или получите письмо от него, вы обязаны немедленно поставить об этом в известность меня. Поняли?

Чего уж тут не понять. Но напрасно думает этот полицейский, что она, Эрна Шменкель, если что-либо и узнает, побежит доносить на собственного мужа.

Вальтер ушел, а Эрна, уронив бессильно руки на колени, еще долго сидела у пустого, ненакрытого стола и думала, как ей жить дальше. Ей удалось устроиться на фабрику обработки металла и дерева Гадебуша в Любене. Ездить нужно было поездом за 17 километров. Профессии у нее никакой не было, и мастер мог поставить ее только на одну работу: сколачивать тарные ящики из досок. Неинтересно и тяжело, зато при сдельной зарплате ей удавалось заработать до 220 марок в месяц. Но так продолжалось только шесть недель. На седьмой она стала падать от недоедания и усталости. Врач поставил диагноз — сильное истощение — и велел перевести ее на сокращенный рабочий день. Теперь она работала только с 6 утра до 2 часов после полудня или с 2 до 10 вечера, если во вторую смену. Но и платили ей тоже меньше, всего лишь 120 марок. Этих денег не хватало даже на то, чтобы выкупить продукты по карточкам. Она стала продавать талоны на масло — в городе хватало зажиточных людей, которые могли себе позволить их купить. Теперь у них хватало денег, чтобы хоть выбрать положенный рацион и еще купить детям немного маргарина, «каретная смазка» стоила много дешевле масла.

Первое время она надеялась, что родные ей хоть как-то помогут. Но надежды ее не сбылись. Эрна перестала ждать поддержки, а просить первой не позволяла гордость, да и Фриц этого бы ей никогда не простил.

Представить Фрица мертвым она не хотела и не могла. Надеялась на чудо, как, впрочем, в сорок втором, сорок третьем, сорок четвертом надеялись многие женщины, чьи мужья пропали без вести.

Вечерами она иногда рассказывала детям о Фрице: какой он сильный, умный и веселый, как хорошо они заживут, когда закончится война и их отец вернется домой. Говорила больше для того, чтобы дочки и сын не забыли отца...

Последние надежды снова увидеть Фрица были разбиты жестоко и навсегда в апреле сорок четвертого. Пришло письмо. Необычное. Это было даже не письмо, а заказной пакет с печатями. Однако не такой, какой присылали все новым и новым вдовам Раудтенштадта. Внутри словно оборвалось все, чутьем поняла сразу — в пакете дурная весть. Вскрыла не сразу, словно мож-

но было этой оттяжкой что-то изменить, что-то исправить, от чего-то убежать. Вскрыла конверт, прочитала вложенную внутрь бумагу только после того, как уложила детей и осталась на кухне одна. Из длинной, составленной бездушным юридическим языком бумаги поняла поначалу только одно, самое страшное и непоправимое...

«...Госпоже Эрне Шменкель, урожденной Шефер, проживающей в Раудтенштадте, округ Любен/Силезия.

Ефрейтор Фриц Шменкель, родившийся 14. 2. 1916 в Варзове близ Штеттина, за совершенное им преступление 15 февраля 1944 года военным трибуналом приговорен к смертной казни. После подтверждения высшей судебной инстанцией приговор приведен в исполнение 22 февраля 1944 года в Минске.

Погребение последовало на кладбище в Минске. Объявления о смерти или некролог в газетах, журналах и прочее запрещены по приказу».

Словно окаменев, сидела Эрна в полутемной кухне. За стеной мирно спали дети, только звуки мерно падающих в раковину капель из плохо завернутого крана нарушали гнетущую тишину. Что делать? С кем поделиться обрушившимся на ее плечи горем? И как жить дальше? Вдов солдат, убитых на Восточном фронте, было много. Вдова расстрелянного по приговору военного суда — она одна единственная на всю округу. Как выйдет она завтра на улицу, что скажет соседям, страшно и подумать. А дети... Потом ее мысли обратились к Фрицу. Где же он был все эти годы? Что делал? Каким образом очутился в Минске? И за какое преступление приговорили его к смерти?

Ответов на эти вопросы она в письме не нашла, сколько ни перечитывала. Ответ она узнает не скоро — почти через двадцать лет... Заплакала только под утро, когда впала в тревожный, со смутными кошмарами сон.

Детям решила пока ничего не говорить. Они слишком малы. Когда-нибудь она расскажет им, что за человек был Фриц Шменкель, объяснит как может, что не мог он совершить ничего плохого и постыдного.

И вспоминала... Вот Фриц, улыбающийся, со светлыми, сияющими глазами на танцевальной площадке в Кляйн-Вербиц. Маленькая лопатка у него на бедре так смешно подпрыгивала, когда они лихо отплясывали польку. А вот совсем другой Фриц — взвинченный, оз-

лобленный, резкий, таким он был в тридцать девятом, когда после польской кампании дезертировал из армии. Еще один — с мягкой, обезоруживающей улыбкой и теплым взглядом, словно обращенным внутрь собственной души, таким он становился, когда вспоминал об отце, Пауле Краузе. Впрочем, улыбка тут же сменялась жесткой складкой, глаза темнели, становились мрачными.

Все новые и новые подробности их такой короткой совместной жизни всплывали в памяти. Вот Фриц насвистывает или наигрывает на губной гармошке незнакомую ей песенку с тревожным, будоражащим мотивом. «Что ты играешь?» — спросила она однажды. И он рассказал ей никогда раньше не слышанную историю о маленьком трубаче из города Галле. Его звали Фриц Вайнек, он был убит 13 марта 1925 года полицейскими на рабочем митинге в Фолькспарке. После смерти немецкие комсомольцы сложили о нем песню. Через двадцать лет она услышит, как эту песню будут петь в Москве советские пионеры... Только в русском переводе она будет называться «Песней о юном барабанщике».

Вспомнила почти детскую, нежную привязанность Фрица ко всякой живности, особенно к лошадям и голубям. Гонять голубей он готов был с утра до вечера. Если бы ему с четырнадцати лет не надо было работать, тоже с утра до позднего вечера. Вспомнила и его пристрастие самому крутить сигареты. Табак, конечно, был самый дешевый и назывался так смешно — «тринксмансштольце», «гордость пьяницы». А вот пьяниц-то Фриц как раз не терпел, правда, любил выпить пару кружек светлого пива.

Утром появился вахмистр Вальтер, и Эрна молча, ничего не объясняя, протянула ему смертное письмо. Полицейский тоже молча прочитал, вопросов никаких задавать не стал. Велел только снять с документа копию, а оригинал отдать в полицию. Эрна так и сделала, а потом, оставив детей на попечение соседки, поехала в Гюлихен, к родителям. Хорошего из этого ничего не вышло, поддержки в родном доме она не получила.

Отец рассвирепел.

— Ты должна быть рада, что он мертв, он и так доставил тебе столько неприятностей! — кричал Юлиус Шефер.

Эрна ничего не ответила, повернулась и ушла. Мать и сестры что-то кричали вслед, она поняла лишь, что

они ее больше знать не хотят. В последующем отец написал ей лишь однажды, в декабре. Кратко сообщал, что брат Рейнхольд, двадцати четырех лет от роду, погиб в Норвегии.

С фабрики, к счастью, Эрну Шменкель не выгнали, она продолжала работать, как работала раньше.

Единственным человеком на всем белом свете, кто не оставил вдову, была в эти дни бабушка Фрица, старая Вильгельмина Шменкель. Она писала Эрне добрые письма, старалась поддержать бодрость духа, внука ни в чем не упрекала. Ухитрялась помочь даже деньгами. Вильгельмина Шменкель получала крохотную пенсию —36 марок, но она нашла приработок — пряла пряжу. Каждый месяц Эрна получала от нее по 10—15 марок. Святая женщина была Вильгельмина Шменкель, до самой смерти слова плохого никому не позволяла обронить в адрес внука, даже его матери — своей дочери.

Однажды вечером к Эрне явились гости. Двое незнакомых молодых людей в кожаных пальто. Они никак не представились, но она сразу догадалась, что посетители из гестапо. Разговаривали с нею, впрочем, вполне вежливо. Сослались на отца, которого, как она поняла, в гестапо ценили как преданного члена нацистской партии. Эрна выжидающе молчала. А дальше один из гостей предложил ей, Эрне Шменкель, посмертно развестись с казненным преступником Фрицем Шменкелем и принять вместе с детьми девичью фамилию Шефер. Объяснил, что в этом случае ей снова начнут выплачивать пособие. Восемьдесят две марки... Она отказалась. Двое из гестапо ушли, так и не поняв, почему эта странная женщина отказалась от пособия, почему предпочла остаться Шменкель, вдовой изменника.

Кожаные пальто приходили еще дважды. Терпеливо уговаривали, объясняли всю заманчивость их предложения, угрожали. Она оставалась непреклонной.

Потом Эрну Шменкель вызвали к бургомистру. Бургомистр тоже настаивал на разводе, но не смог ее уговорить. Далее произошло нечто непонятное. Бургомистр вынул из папки, лежавшей перед ним на столе, увеличенную фотографию и протянул ей. Спросил:

— Вы знаете этого человека?

На фотографии был изображен Фриц. Ее Фриц... Он был выбрит, причесан, но очень худ, даже изможден.

Эрна глаз не могла отвести от такого родного и в то же время незнакомого лица.

— Вы знаете этого человека? — повторил вопрос бургомистр.

— Да, это мой муж, Фриц Шменкель. Он умер... Откуда у вас эта фотография?

Бургомистр ничего не ответил и отобрал фото. Эрна успела только заметить, что Фриц на снимке был одет в какую-то странную рубашку с пуговицами на стоячем воротнике. Только через год, увидев первых русских солдат, она узнала, что такая рубашка называется «гимнастерка».

Бургомистр не объяснил Эрне, откуда у него фотография, для чего ее показал вдове, когда Фрица мог опознать любой из соседей, тот же полицейский вахмистр Вальтер. Она и через тридцать лет не сможет объяснить, для чего понадобилась вся эта процедура, поскольку личность Фрица давно была установлена, а сам он уже казнен.

Разговор с бургомистром закончился тем, что он еще раз предложил ей развестись с мужем. Он не понял, почему она решительно отказалась. А может быть, решил даже, что Эрна Шменкель в результате пережитых потрясений просто не в своем уме. Ей все равно, что он о ней думает. Куда важнее, что подумал бы о ней муж, если бы узнал, что она может предать его, пускай и после смерти, и ради детей. Нет, этому не бывать. Она была и будет фрау Шменкель. Она верит, что все со временем изменится и их детям не придется стыдиться этой фамилии. Люди в кожаных пальто называли его предателем, говорили, что он изменил фюреру и рейху. Она, Эрна Шменкель, знала, что Фриц не был изменником родины, которую так сильно и преданно любил. В этих мыслях ее утвердил он сам, Фриц Шменкель, ее муж. Уже после своей смерти. После казни...

В апреле она получила письмо. Его прислал незнакомый ей пастор Эберхард Мюллер. Оно начиналось так: «Я посылаю вам последние строки вашего мужа. Он храбро пошел на смерть». Далее следовали в утешение слова из Библии. Еще священник сообщал, что прощальную записку Фриц написал в камере, во время «святого ужина». Она сразу узнала почерк мужа. Но Эрна Шменкель не сможет сохранить этой записки, как и письмо пастора Мюллера. Слишком опасно, не для

нее, для пастора, и так пошедшего на большой риск. Но она запомнит каждую фразу, каждое слово на всю жизнь: «...я дошел по выбранному мною пути до конца. Я со спокойствием смотрю на свою казнь. Но я не раскаиваюсь, потому что я боролся за хорошее дело...» Эти слова помогут ей выстоять, пройти через многие невзгоды, вырастить и воспитать троих детей.

В 1952 году Эрна Шменкель случайно узнáет, что пастор Мюллер жив, ей сообщат его адрес, и она напишет ему. Эберхард Мюллер ответит ей так: он провожал на смерть сотни осужденных и не может помнить каждого из них. Но встречу с Фрицем Шменкелем помнит прекрасно. Однако, заключал бывший военный пастор, теперь настали другие времена и пора забыть обо всем этом.

Он ошибся...

В пятнадцатую годовщину образования Германской Демократической Республики во Дворце спорта имени Вернера Зееленбиндера 6 октября 1964 года под аплодисменты сотен собравшихся глава советской партийно-правительственной делегации Леонид Ильич Брежнев сказал:

— Я могу сообщить вам, товарищи, что сегодня в Москве подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза за героизм и мужество, проявленные в антифашистской борьбе, немецкому коммунисту Фрицу Шменкелю. Товарищ Шменкель и другие немецкие герои-антифашисты бесстрашно шли на смерть в борьбе против черной тирании гитлеризма, потому что они твердо верили в светлое социалистическое будущее Германии.

А через день в Актовом зале советского посольства в Берлине Леонид Ильич Брежнев в присутствии руководителей Германской Демократической Республики от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил Эрне Шменкель Грамоту Героя Советского Союза Фрица Шменкеля.

...Его имя присвоено предприятиям, школам, улицам, производственным коллективам, пионерским дружинам, подразделениям Национальной Народной Армии ГДР.

Фриц-Шменкельштрассе — так называется ныне улица в Карлхорсте, районе столицы ГДР. Улица выходит к серому зданию бывшего военно-инженерного училища. В его актовом зале 8 мая 1945 года был под-

писан исторический акт о безоговорочной капитуляции немецко-фашистских войск.

Ежедневно сюда приходят сотни людей, чтобы собственными глазами увидеть то место, где полным разгромом германского фашизма закончилась развязанная им война.

Среди тех, кто отдал свою жизнь в борьбе с фашизмом, были воины-интернационалисты. Имя одного из них — немецкого антифашиста и советского партизана — и носит сегодня улица, которая ведет к тому месту, где была поставлена последняя точка в истории германского фашизма.

Москва — Смоленск — Ярцево — Берлин —
Плауэн — Калинин — Москва
1979 г.

Автор приносит свою искреннюю и глубокую благодарность товарищам Эрне Шменкель, Герберту Грюнштейну, Урсуле Шлем, Ойгену Нойберу, Гертруде Крузе, Максу Зундерману, Эрхарду Моритцу, Вернеру Стангу, Лие Роте, Курту Коху, Хейнцу Вемейеру, Вольфгангу Рихтеру из ГДР, товарищам Н. Морогову, Н. Федоровой, О. Кондрученковой, Д. Кондрученкову, А. Земцову, Л. Котову, Ф. Русакову, В. Томину, В. Соловьеву, Е. Шило, Н. Будковскому, В. Ларионову за действенную помощь в его работе, а также П. Александровскому и А. Егорову, чьими трудами он пользовался, и работникам Смоленского областного партархива М. Филиппенковой и А. Ахрамеевой.

Содержание

Гладков Т. К.

Г52 Фриц Шменкель — враг фюрера и рейха.— М.: Политиздат, 1980.— 118 с., ил.

В книге писателя Теодора Гладкова рассказывается о славном сыне немецкого народа антифашисте Фрице Шменкеле. Осенью 1941 года он добровольно перешел на сторону советского народа, чтобы с оружием в руках участвовать в борьбе с германским фашизмом. 14 месяцев сражался в рядах партизанского отряда на Смоленщине бывший ефрейтор гитлеровской армии. Он не раз отличался в боях, был награжден орденом Красного Знамени. При выполнении во вражеском тылу особого задания его схватили и 22 февраля 1944 года расстреляли. Посмертно Фрицу Шменкелю присвоено звание Героя Советского Союза.

Книга рассчитана на массового читателя.

Г $\frac{10604-107}{079(02)-80}$ 214—80 0505030202

63.3(0)62 + 63.(2)722.5
9(М)72 + 9(С)277

Теодор Кириллович ГЛАДКОВ

**Фриц Шменкель —
враг фюрера и рейха**

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *З. У. Устенова*
Художник *Н. П. Пешков*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 2275
Сдано в набор 31.10.79. Подписано в печать 28.01.80. А08129. Формат 84 × 108[1]/[32]. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,3. Учетно-изд. л. 6,32. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 4444. Цена 25 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

25 коп.

Ганс и Эрна Шменкель в Минске, возле здания, где был приговорен к смертной казни Фриц Шменкель

Мемориальная доска на этом здании